

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**Смерть
на кончике хвоста**

Виктория Платова

Смерть на кончике хвоста

«ЭКСМО»

2001

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Платова В. Е.

Смерть на кончике хвоста / В. Е. Платова — «Эксмо», 2001

ISBN 978-5-699-98825-9

Наталья зачитывалась детективами знаменитого писателя Воронова, но никогда не думала, что когда-нибудь станет героиней одного из них... А все началось с того, что скромная сотрудница турагентства подобрала на улице бесхозную собаку. Случайно найденный доберман вовлекает ее в расследование убийства влиятельного банкира и исчезновения его возлюбленной. Присутствие Натальи в квартире исчезнувшей девушки путает следствию все карты. Да незадачливая сыщица и сама запуталась и не знает, что ей теперь делать. Кто может помочь в такой ситуации? Конечно же, автор самых популярных детективов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98825-9

© Платова В. Е., 2001
© Эксмо, 2001

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Виктория Платова

Смерть на кончике хвоста

© Платова В., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Все события, происходящие в романе, вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми – случайно.

Автор

Часть I

6 февраля. Леля

...Двухдневная поездка за город с подледным ловом, самогоном и баней по-черному – единственная радость холостяков, вдовцов и алиментщиков – накрылась медным тазом.

Леля понял это, еще не сняв телефонную трубку. Сейчас он протянет руку к обмотанному изоляцией аппарату, и дежурный оперативник сообщит ему об очередном трупе. И нужно будет тащиться на место преступления и несколько часов кряду заниматься рутинной работой, заглядывать под мертвые веки, шуршать уликами (если они найдутся в первом рассмотрении) и вылавливать одиноких свидетелей (если их в первом приближении не оказалось).

Интуиция его еще ни разу не подводила: она имела совершенно определенную направленность и казалась самому Леле почти мистической. Его интуиция собирала толпы почитателей со всего управления, которые заключали пари и делали ставки. Правда, в последнее время страсти несколько поутихли – и все потому, что призывая лошадь Леонид (Леля) ни разу не подвел, он всегда приходил первым. И к нему потеряли интерес – как теряют интерес к вечным победителям и вечным аутсайдерам. Ничего не поделаешь, люди обожают интригу, только она способна заставить вибрировать ноздри. А в случае с Лелиной интуицией никакой интриги не было: еще не снимая трубки, после первого звонка, он легко определял – убийство ли это, самоубийство или трагическое стечение обстоятельств. После второго звонка – пол и приблизительный возраст жертвы. Ну а если удавалось дотерпеть до третьего, то Леля совершенно точно мог сказать, как погиб человек: пуля, ножевое ранение, удушение дамскими колготками или удар тупым предметом в область второго шейного позвонка.

На этом феерическое действие знаменитой Лелиной интуиции заканчивалось, и он выезжал на место уже в качестве самого заурядного сотрудника управления.

...Вот и сейчас, тупо глядя на телефон, Леля сразу же определил:

1. Умышленное убийство.
2. Мужчина после сорока.
3. Проникающее ранение в область глазного яблока со смертельным исходом.

Так оно и оказалось. Дежурный сообщил ему, что в районе улицы Долгоозерной задержана иномарка. В багажнике обнаружен труп мужчины, а за рулем – двое преступников, пытавшихся уйти от преследования. Следственная группа уже работает, и старшему следователю Леониду Леле надлежит выехать на место преступления. Машина за старшим следователем Леонидом Лелей уже послана.

Машина пришла через семь минут. Что ж, прощай, баня по-черному и нахрапистый первач. Здравствуй, труп, будь ты неладен!..

Загрузившись в ведомственный «козел» и вяло поздоровавшись с водителем, Леля прикрыл глаза и принялся размышлять о своей горестной судьбе.

Фамилия.

Все дело в фамилии, которой наградили его давно преставившиеся предки. Ничего хуже этой издевательской, кокетливой, гермафродитической фамилии для здорового тридцатипятилетнего мужика и придумать невозможно. Робкая и нежная с виду, она скрутила судьбу Ленчика в бараний рог, она диктовала ему условия и стояла за каждым из его поступков. А поступки совершать приходилось, иначе навсегда перейдешь в разряд латентных педерастов-неудачников.

Леля. Интересно, кого из прародителей нарекли таким имечком? Или во главе их рода стояла бой-баба с пудовыми грудями?

Так или иначе, но вопреки женственной фамилии Ленчик в юношеские годы получил мастера спорта по самбо и первый разряд по стендовой стрельбе. Самбо особенно пригостило

ему в армии, где чертова, но вполне официальная «Леля» воспринималась как надругательство над здравым смыслом. Весь первый год Ленчик простоял в карауле у собственной задницы. Он сурово сообщал «дедам», что в случае посягательств не опустится даже до предупредительного выстрела.

Фамилия же сделала его законопослушным гражданином, хотя Ленчик еще в возрасте семи лет тягал рогалики из ближайшей булочной. Но в дальнейшем путь в преступную среду оказался перекрыт наглухо. Для того чтобы представить место «Лели» в тюремной камере, не нужно было обладать богатым воображением.

Из соображений безопасности Леонид Леля пошел еще дальше: он поступил на юридический и благополучно окончил его. С красным дипломом. Чтобы сейчас, прокантовавшись в органах почти десять лет и дожив до тридцати пяти, трястись в «козле», спешащем на свидание с очередным жмуриком.

Впрочем, жмурик оказался далеко не очередным.

Леля понял это сразу, как только оказался на месте. Новехонький «Ниссан Премьера» был со всех сторон зажат машинами гаишников. Здесь же, всего лишь в нескольких метрах, стоял «рафик» их управления, а прикомандированный к Леле оперативник Саня Гусалов вместе с экспертом Курбским колдовали над раскрытым багажником иномарки. Леля мимоходом кивнул Сане, сунул руку эксперту и заглянул в темное чрево.

На самом дне багажника лежало скрюченное тело мужчины лет сорока пяти – телефонное наитие и здесь не подвело его. Из одежды на мужчине были только брюки и носки. Половина черепа с воронкой на месте правого глаза была залита почерневшей, спекшейся кровью.

– Что скажешь? – поинтересовался Леля у эксперта.

– Что тут говорить? Вскрытие покажет. Убит явно в другом месте и перенесен в багажник много позже.

– Ну, тут и ребенок сообразит, – разочарованно прогундосил Леля.

– Выбит глаз, но выходного отверстия нет. Пуля все еще в голове, – попытался реабилитироваться Курбский. – Смерть наступила мгновенно.

– Это хорошо.

Из всех возможных видов смертей Леля предпочитал именно этот, идущий под грифом «наступила мгновенно». Это означало, что жертва не мучилась.

– Документов, естественно, никаких.

– Только на машину, – включился в разговор Саня Гусалов.

– Отлично, – Леля даже не ожидал такой удачи. – И кто хозяин? Установили?

– Ты огорчишься.

– Неужели?

– По документам «Ниссан» принадлежит Радзивиллу Герману Юлиановичу. Тело тоже принадлежит ему. Прошу любить и жаловать. – Гусалов растянул губы в добродушной улыбке. – Так что нас ждут черные дни.

– Значит, Радзивилл... – Леля пожевал губами и снова – теперь уже надолго – сунул голову в багажник. – Тот самый?

– Тот самый, – с готовностью подтвердил Курбский.

– Вот он какой, Радзивилл. Плакали наши денежки, а?

– Ты у меня спрашиваешь или у него? – схохмил обладатель самого черного в управлении юмора Саня Гусалов.

– В любом случае он нам теперь ничего не скажет.

И Леля с жадным, почти мальчишеским любопытством оглядел мощный торс покойника. Это тело готовилось жить долго. Сразу было видно, что Радзивилл следил за собой и изгонял малейший намек на жир, как изгоняют торгующих из храма.

– Качался, как думаешь? – спросил Леля у Гусалова.

– Ну, то, что тренажерные залы посещал, – как два пальца об асфальт. А что касается всего остального, как говорит наш уважаемый эксперт, вскрытие покажет...

Но и без вскрытия Леля уже знал, что ему подсунули дрянное, тухлое и катастрофически бесперспективное дело. И с минуты на минуту на Долгоозерной высадится десант нахальных телевизионщиков. Они, как мухи, обсыдут несчастную тушку Радзивилла, несчастного Лелю, несчастного Саню Гусалова, несчастных сотрудников ГИБДД и несчастный новехонький «Ниссан». Самыми счастливыми в этой ситуации выглядели два задержанных преступника, скрытые от посторонних глаз в «рафике».

Что и говорить, не каждый день в городе убивают таких людей.

Герман Радзивилл был управляющим одним из самых влиятельных в городе коммерческих банков – «Ирбис». Статус коммерческого не мешал «Ирбису» прокачивать бюджетные деньги и иметь договоренности о финансировании нескольких крупных проектов. Умница Радзивилл был удачливым финансистом и поставил дело с размахом. Поговаривали даже, что он сам, через подставных людей и подставные структуры, играет на бирже и время от времени легонько потряхивает рынок – только для того, чтобы не дать крови застоиться. А кишкам – не вывалиться. И ФСБ, и милиция, и налоговики ходили вокруг «Ирбиса» кругами, но Радзивилл только посмеивался над тщетой их усилий. Его последним и весьма неожиданным ходом было заключение договора с правоохранительными органами о страховании оперативников и сотрудников прокуратуры. Инициатором этого дивного начинания выступил сам Радзивилл, и под крылом «Ирбиса» тотчас же возникла маленькая, но с большим будущим страховая компания.

И вот теперь задубевший банкир Герман Радзивилл скрючившись лежит перед ним, Леонидом Лелей. И никакой страховки старшему следователю Леле не видать, даже если сейчас на него упадет метеорит, а на весь оперативный состав – тьма египетская.

– Тухляк, – еще раз произнес Леля.

– Да ладно тебе... – Саня понизил голос и сочувственно похлопал коллегу по плечу. – Обыкновенная заказуха – и концы в воду... Ну, намылят тебе холку... Так только, для профилактики, ведь все всё понимают. Это же не инвалида за бутылку порешить... Банкир. Властитель денег, дум и сердец...

Леля еще раз взглянул на простреленную голову Радзивилла и цокнул языком.

– Обыкновенная заказуха, ты хочешь сказать? Тогда почему он в багажнике?

– Не знаю. Может, исполнители были большими оригиналами... Импровизировали на ходу. Ты у них сам спроси...

– Ладно, пойду разберусь... с большими оригиналами.

...Большие оригиналы оказались затравленными молодыми людьми, находившимися к тому же в полуобморочном состоянии. Андрей Маклак и Вениамин Рябокоть, если верить их зачуханным паспортам. Оба уроженцы Ленинграда, двадцати одного и двадцати трех лет. Кроме того, от Маклака и Рябокотья за версту тянуло водочным перегаром, чего душа старшего следователя Лели, лишенная какой бы то ни было самогонной перспективы, снести не могла.

– Ну что, пацаны, – задумавшись начал он, – вляпались вы по самые помидоры.

Маклак судорожно дернул кадыком, а Рябокоть заплакал. Час от часу не легче.

– Хоть знаете, кого замочили?..

Из последующего блеяния задержанных Леля выяснил, что молодые люди просто захотели покататься и положили глаз на припаркованный к одному из офисов на улице Савушкина «Ниссан». К их удивлению, машина оказалась открытой, чем они немедленно и воспользовались. Новоявленным угонщикам удалось проехать всего лишь несколько кварталов – до ближайшего патрульного автомобиля ГИБДД. На просьбу остановиться ни Маклак, ни Рябокоть не отреагировали, началось преследование, которое благополучно закончилось в конце Долгоозерной.

Всю эту скорбную историю, трясясь и запинаясь, рассказал Маклак. Рябоконец же икал и норовил завалиться на плечо приятеля.

Рассеянно бродя по бледным как полотно лицам угонщиков, Леля повторял про себя на все лады: тухляк, тухляк, тухляк.

Ясно, что эта шпана никакого отношения к трупам не имеет и что пьянчуги-недоумки, сами того не подозревая, выступили в роли служебно-разыскных собак. Если бы они не влезли в салон «Ниссана», то еще неизвестно, сколько времени Радзивилл мерз бы в багажнике.

– Ну а теперь поговорим непосредственно о потерпевшем.

– О ком? – в отличие от деморализованного приятеля Маклак выказывал похвальное стремление сотрудничать со следствием.

– О трупам. Когда, как, чем и за что.

Рябоконец вырвало.

– Н-да... – задумчиво произнес Леля. – А ты как думал, приятель? Любишь кататься – люби и саночки возить.

– Мы не знали... Мы просто машину взяли... Поездить, – забубнил Маклак.

– И именно ту машину, в багажнике которой лежал труп. Удивительное совпадение. Там что, других машин не было?

– Были...

– Ну и?

– Вы понимаете... Она не была на сигнализации.

– Что ты говоришь!

– Ну да. Датчики не горели. А если датчики не горят – значит, сигнализация отключена...

Мы подергали, а тачка вообще оказалась открытой.

– И ключи зажигания торчали в замке, – радостно поддержал Маклака Леля.

– Нет. Ключей не было...

– Где именно вы нашли машину?

– Точно не знаю... Но могу показать.

– Успеешь.

– Мы хотели прокатиться...

– Вот сейчас и прокатитесь. На полную катушку. Лет так на пятнадцать. Я вам обещаю, парни.

Леля не стал дожидаться, пока впечатлительный Рябоконец загадит очередной порцией рвотной массы его штаны. Поднявшись и подмигнув на прощание угонщикам, он вышел из «рафика».

Тело Радзивилла уже увезли, а на месте происшествия работали три съемочные группы. Встретаться с телевизионными гиенами Леле не хотелось, и он укрылся под сенью «козла». Через минуту к нему присоединился Саня Гусалов.

– Ну как? – спросил он.

– Никак. Думаю, ребятки ни при чем, но это дела не меняет. Жену вызвали?

– Жена за городом. Утверждает, что муж еще четвертого числа улетел во Францию.

– Она что, провожала его и махала платком на эстакаде?

– Нет... Он сам сказал ей, что улетает. Утренним рейсом. Позвонил третьего, сказал, что много работы, потому переночует в городской квартире. А с утра – на самолет.

– Н-да, на самолет...

А вместо самолета оказался в собственном багажнике. Да еще в таком непристойном виде.

– И зачем он летел в Париж? – спросил Леля. «Лететь в Париж», до чего же пижонски звучит, хуже не придумаешь. – Что там у него? Деловые встречи?

– Скорее частный визит. Если бы это были переговоры, сюда бы давно сообщили, что босс не прилетел. И потом, на переговоры с голой грудью, в носках и брюках не пускают. По протоколу, – Гусалов дернул кадыком в сторону злополучного багажника, улыбнулся и показал Леле редкие, широко посаженные зубы.

– Умник! – одернул Гусалова следователь. – Юморист. Ладно, поехали в управление. Еще неизвестно, что это за птичка такая – Радзивилл...

6 февраля – 7 февраля. Наталья

Не будь харыпкой.

Не будь харыпкой, купи себе пеньюар и приобщись к цивилизации, в конце концов. Сходи в Большой зал филармонии на вечер фортепианной музыки. Сходи в Русский музей на Брюллова. Сходи в «Макдоналдс» на двойной чизбургер – только не будь харыпкой.

«Харыпка» – его неубиенная карта.

Ударение на втором слоге, среднеазиатский хвост. Этот хвост волочился за ним из прошлой жизни, из вдрызг разругавшегося с метрополией Ташкента, с его урюком, Алайским базаром и дынями в декабре. А какой пленительный был мальчик – Джавахир, Джава, Джавуся... Одна-единственная ночь в «Красной стреле» – и он поселился в ее комнате на Петроградке. Его друзья, невесть как оказавшиеся в Питере (узбекский оплот сопротивления вероломному Западу, пятая колонна имени героини труда Мамлакат Наханговой), жили у них месяцами, меланхолично покуривали травку и называли ее «Наташа-хом». Так, форсируя окончания, обращаются к старшим по возрасту женщинам.

Очень почтительно.

Джава был младше ее на семь лет и тоже курил траву. И читал Бродского. Он и начал с Бродского: тогда, в «Красной стреле», перед тем, как отыметь ее на хрустящих простынях спального вагона. И произошло то, чего не могло не произойти, – она влюбилась. В его узкие губы – цвета подгнившей сливы. В его миндалевидные глаза – цвета подгнившей сливы. В его волосы – цвета подгнившей сливы. Она влюбилась, потому что ничего другого ей не оставалось: двадцать семь лет, неудачная работа, неудачное замужество и совсем уж неудачный аборт, который не дает о себе забыть до сих пор. С другой стороны – экономия на противозачаточных таблетках и презервативах. А при Джавином вулканическом темпераменте и ее фиксированном окладе сотрудницы туристического агентства они просто вылетели бы в трубу.

... Чтобы укротить их склочную коммуналку, Джаве хватило нескольких дней. Бедусенки (пять человек, включая малолетнего Андрюшу, звонить три раза) выбросили белый флаг после того, как Джава показал им устрашающего вида узбекский тесак. И пригрозил устроить резню похлеще армянской. Семью Бувакиных, тихих любителей народной музыки, он сразил наповал игрой на дутаре и подарочной тубетейкой («Привет из Бухары»). Оставалась старуха Ядвига Брониславовна, баба Ядя, та еще змея. Змея прочно законсервировалась на семидесяти пяти, курила «Беломор» с 1942 года. В красном углу ее комнаты висел портрет генпрокурора Вышинского. На второй день пребывания Джавы в коммуналке она вызвала участкового. Но хитрый Джава поладил и с участковым – тот оказался лимитчиком из Казани и плюс ко всему правоверным мусульманином. Таким же правоверным, как и Джавахир Шарипов, ташкентский отщепенец, гнилая ветвь благородного сливового дерева.

Его выгнали с третьего курса Щуки за курение анаши и слишком уж надменный талант. А он был талантлив, чертовски талантлив, – Наталья знала в этом толк. В свое время она сама закончила театральный. Правда, факультет был экономическим, но это не помешало ей совершенно объективно оценить способности смуглого любовничка; скорее наоборот – помогло. Чего стоил один только пассаж из Бродского насчет вечного успокоения на Васильевском острове!.. Далекий от дождей и наводнений узбек подавал его так проникновенно, что у Натальи

по спине бежали мурашки. И вопрос о том, почему после блистательной Москвы Джава махнул в обветшавший Питер, отпадал сам собой.

Впервые в жизни она решила воспользоваться несколькими куцыми институтскими связями и впихнуть Джаву хоть в какой-нибудь театр. Прослушивания проходили «на ура», и Джавахира брали везде – на испытательный срок, который он так ни разу и не выдержал. Никто из знакомых режиссеров, даже по-дружески, даже за поллитрой коньяка, не объяснил ей – *почему*. Некоторое время Наталья грешила на слишком уж специфическую Джавину внешность. Истина открылась неожиданно: Саня Гордон, ее приятель с параллельного курса, адепт Ионеско, дешевой водки и голых дамских коленок, – последний, кто не взял актера Шарипова на работу, – проворковал ей по телефону:

– Не пойдет.

– Почему? – вопрос прозвучал буднично: за полгода Наталья уже научилась достойно принимать отказы.

– Слишком уж хорош.

– В смысле?

– Разваливает весь ансамбль. Тянет одеяло на себя. Рядом с ним мои ребята выглядят просто профнепригодными. А уволить всю труппу за профнепригодность невозможно. Все – живые люди, всем нужно детей кормить.

– И что же ему делать? – глупо спросила она.

– Пусть едет в Голливуд.

– Саня, ты же понимаешь, это несерьезно.

– Ну, не знаю... Организуй ему антрепризу, пусть работает один. Будет зарабатывать большие бабки.

– Спасибо за совет.

– Кстати, Натуля... Ты не одолжишь мне пару сотен до получки?

– Организуй антрепризу. Будешь зарабатывать большие бабки...

Наталья повесила трубку и вернулась в комнату. Вот он, мой любимец, мое домашнее животное, моя голая египетская кошка с безволосым, похожим на пятку, подбородком. Как всегда, лежит на диване и читает своего обожаемого Бродского.

– Ну что? – Джава даже не оторвал глаза от страницы.

– Саня говорит, что ты очень талантлив.

– Тогда пусть даст мне роль Калигулы.

Она присела на краешек дивана и коснулась его волос. Семь лет разницы – есть от чего сжаться сердцу. В свои двадцать Джава еще совсем мальчишка, того и гляди найдет где-нибудь автомобильную камеру и отправится плавать по арыкам. А она – она уже взрослая женщина. Пора покупать крем от морщин. Интересно, сколько еще продлится их связь?..

– Он не даст тебе роль Калигулы.

– Я знал, что твой Саня – харып. И театры у вас харыпские, – лениво и без всякой злости протянул Джава.

«Харып» – было его любимым словечком. Узбекский эквивалент жлоба. Но «харып» – это нечто большее, чем просто жлоб. Жлоб в квадрате, жлоб в кубе; жлоб, который наливает ирландский ликер в граненые стаканы, моется только в бане и только в честь праздника взятия Бастилии... И никогда по достоинству не оценит его, Джавин, талант. Потолок харыпа – рок-опера «Иисус Христос – суперзвезда» и псевдосексуальные опусы Романа Виктюка.

– Езжай в Голливуд, – устало сказала Наталья.

– Ты думаешь?

– Это Саня так думает. А я просто передаю его пожелания – режиссерские и человеческие.

– В Голливуде тоже харыпы, – Джава снова уткнулся в книгу. – Только свои, американские.

Наталья вздохнула, поднялась с дивана и направилась к выходу.

– Ты куда? – спросил Джава.

– Дежурить. У меня еще кухня, туалет и ванная.

– А-а...

И все, никаких телодвижений. По графику, вывешенному в общей кухне, они дежурили две недели: это соответствовало количеству человек, проживающих в комнате. Джава этот установленный десятилетиями порядок игнорировал напрочь. В гробу он видел чистку чугунной ванны и раковин, заплыванных зубной пастой. Быт совсем не приставал к нему, он каплями отскакивал от Джавинового худого, безволосого, совершенного тела. Джава казался персонажем элитарного западноевропейского кино, в котором герои пользуются туалетной бумагой только для того, чтобы стереть со щеки губную помаду героинь.

– Может быть, ты поможешь мне? – неожиданно для себя спросила Наталья.

Джава поднял на нее ленивые азиатские глаза.

– Что?

– Может быть, ты поможешь мне? Сколько можно валяться на диване?

Она произнесла это впервые за год их совместной жизни. И это был бунт. Бунт на женской половине дома. Отказ от безропотной стирки носков и ночного переписывания от руки всех Джавиных ролей из всех пьес. И двойного наряда на помывку коммунального сортира.

– Знаешь что, Джава, – с неведомым доселе наслаждением произнесла она, – сам ты харып. Чесночный узбекский харып.

Это была чистая правда. Джава обожал чеснок. Чеснок являлся его альтер эго, его доминантой, приправой к выученным и невыученным ролям, приправой к Бродскому, приправой к сексу. Даже на дне флакона «Хьюго Босс», любимого Джавинового парфюма, Наталье иногда мерещились чесночные головки...

– Дура, – просто сказал Джава.

– Харыпка, – поправила его Наталья и отправилась драить полы и унитаз.

...Когда спустя час она вернулась в комнату, Джавы уже не было. Ее бунт оказался жестоко подавленным, вероломный узбек резал по живому. Он ничего не сказал ей, он просто ушел, захватив с собой все свои вещи. Даже мокрые носки с батареи – последнее жертвоприношение влюбленной женщины. Вот только Бродский остался лежать на диване – открытый на странице сто девятнадцать: «Бобо мертва, но шапки не долой. Чем объяснить, что утешаться нечем...»

Наталья не стала читать стихотворение до конца. Бобо мертва. Ничего не попишешь.

Через два часа после «смерти Бобо» и одиночества, сжирающего ее изнутри, она решила позвонить Нинон.

Нинон, ее старая институтская подруга с театроведческого, продвинутая интеллектуалка и гуру по совместительству, работала в редакции попсового журнала для нимфеток «Pussy cat»¹. Нинон вела рубрику «Все, что вы хотели знать о сексе, но боялись спросить» и терпеливо вколачивала в безмозглые тинейджерские головки основы петтинга, сведения о противозачаточных средствах и выборочные позы из «Камасутры».

Услышав на другом конце провода голос Нинон, Наталья наконец-то расплакалась.

– Слава богу, – проворковала Нинон. – Твой кекс тебя бросил.

Кексами на сленге «Pussy cat» именовались молодые люди. И все эти молодые люди в интерпретации Нинон только и мечтали о том, чтобы обвести вокруг пальца несчастных нимфеток.

¹ Кошечка (англ.).

– Я умоляю тебя... Оставь жаргон для своей макулатуры.

– Ладно, прости. Только не вздумай сделать какую-нибудь глупость.

– Какую?

– Ну, мало ли... Пойдешь и нажрешься спичек. Или вылакаешь бутылку ацетона.

– Ты думаешь?..

– Ничего я не думаю. Вот что. Я к тебе сейчас приеду. Только скажи, что взять: водку или коньяк?

– Бренди. «Сльнчев бряг». – Наталья улыбнулась: верная Нинон как в воду глядела. И в этой воде с самого начала просматривались контуры их с Джавой неизбежного расставания.

...Нинон нарисовалась спустя сорок минут. Завидная оперативность, если учесть, что жила она у черта на рогах, в Веселом поселке. Нинон возненавидела Джаву, едва лишь тот осел в Натальиной комнатенке с видом на глухую стену соседнего дома. Она ненавидела его верно и преданно, она проела Наталье плешь этой ненавистью, она живописала апокалиптические картины Джавино вероломства и предательства.

Накаркала. Теперь Бобо действительно мертва.

Наталья отправилась в только что вымытую «Пемолюксом» ванную, пустила горячую воду и взяла в руки бритвенный станок. Полоснуть бы по запястьям, которые еще сегодня утром сжимал Джава... Полоснуть бы, да много чести. Оставим такие штучки для менопаузы, как гваривают в американских интеллектуальных комедиях. Вздохнув, Наталья подбрила подмышки, выдраила зубы пастой для курильщиков и вернулась в комнату как раз к приходу Нинон.

– Привет освобожденной женщине Востока, – с порога брякнула Нинон и, распахнув роскошную песцовую шубу, показала Наталье две бутылки «Сльнчев бряга», покоящиеся у нее на груди. – Завтра сходим в церковь и поставим свечи.

– Зачем? – удивилась Наталья.

– Не зачем, а за что. За твое счастливое избавление от среднеазиатского тирана. Это надо обмыть, девочка моя!

Весь остаток вечера, под отдающий техническим спиртом суррогат и квашеную капусту, Нинон терпеливо втолковывала подруге все преимущества ее нынешнего положения.

– Во-первых, этот кекс не довел бы тебя до добра. Приучил бы к дури, а потом и к героину, а потом и к ЛСД. Посадил бы на иглу.

– Не говори глупостей, Нинон. Я же не подписчица твоего журнала... И вообще – у тебя большое воображение.

– Почему же глупостей? Целый год жрал и пил за твой счет, валялся на диване и книжонки почитывал. Сопляк. Дешевка. Да еще и караван-сарай здесь устроил. Сколько его узбекских дружков у тебя перебивало, а? Я уже молчу о том, что ты пахала на него как проклятая....

– Я его люблю...

– Любить – это не значит позволять вытирать о себя ноги. – Нинон молодецки опрокинула в себя стопку бренди и шелкнула пальцами: – О, хорошая мысль...

Да уж, хорошая. Наталья грустно улыбнулась. Завтра же Нинон настроит письмо в редакцию от имени какой-нибудь зазевавшейся нимфетки, пострадавшей от пениса какого-нибудь кекса. И сама же ответит на него.

Любить – это не значит позволять вытирать о себя ноги. Цитата дня.

– Он оставил у меня своего Бродского....

Нинон тотчас же уткнулась в сто девятнадцатую страницу потрепанного сборника.

– Ого! Со значением. Слушай, чем ты так ему насолила?

– Забрал все свои вещи. Даже мокрые носки с батареи... – Наталья снова заплакала.

– Слушай, девочка моя! – Нинон заботливо вытерла щеки подруги рукавом. – А может, это намек? Мол, не надейся на легкое расставание. Восточные люди мстительны, знаешь ли. Вернется с кинжалом в зубах и зарэ-эжет тебя, как овцу.

– Нинон, по-моему, ты напилась! – высказала вполне здоровое предположение Наталья.

– Есть повод, Натуля, есть повод. И пока я относительно трезва, предлагаю обсудить твою дальнейшую жизнь.

– Господи... Моя жизнь – это моя жизнь. Ты зациклилась на советах для своих Красных Шапочек с упаковкой презервативов в кармашке. А я уже давно не Красная Шапочка. И ни одному волку я не по зубам.

– Волку не по зубам, а шакалу в самый раз, – прозрачно намекнула на Джаву Нинон. – Во всяком случае, тебе нужно развеяться. Завести нового кекса, а лучше – сразу нескольких. Владик подойдет? Он сейчас как раз в свободном полете, развелся очередной раз.

Владик был первым мужем Нинон, любвеобильным владельцем компьютерного магазина где-то в историческом центре города. После Нинон Владик сменил еще трех жен и энное количество любовниц. Всех своих женщин шовинист Владик презирал, вот только с Нинон у него установились теплые дружеские отношения. Ничего не поделаешь, обладательница рубенсовских форм, Нинон была создана для роли наперсницы и дуэньи.

– Ты с ума сошла! – Наталья вспомнила хищный профиль Владика, его похотливые суженные зрачки и поморщилась.

– Ну, я же тебя не замуж за него зову. Сходите в какой-нибудь кафешантан, телесами потрясете, а там, глядишь, и до койки недалеко. А Владик тебе вылазку организует, к Санта-Клаусу, в Лапландию. Он парень щедрый.

– Нинон! Новый год давно прошел. И к тому же у меня даже заграничного паспорта нет.

– Н-да, – Нинон скептически оглядела Наталью. – Ну, тогда махнете в Сочи. Февраль в субтропиках, пальмы под снегом – отличный фон для романтической любви.

– Владик – и романтическая любовь? Ты просто надо мной издеваешься. – Наталья вдруг ухватилась за несчастный томик Бродского и изо всех сил швырнула его в дальний угол комнаты.

Бросок оказался в яблочко: Бродский угодил в вазу на телевизоре, и ваза (польская подделка под китайский фарфор) разбилась на несколько кусков.

– Дело хуже, чем я предполагала. – Нинон встала и прошлась по комнате. – Открывай свои комоды...

– Зачем?

– Посмотрим, что ты имеешь в арсенале обольщения. И вообще... Приглашаю тебя на вечер музыки барокко. Все лучше, чем сидеть в четырех стенах и уничтожать предметы обихода. Как ты насчет музыки барокко?..

«Не будь харыпкой... Приобщись к цивилизации, в конце концов...»

– Замечательно. – Наталья подошла к платяному шкафу и решительно распахнула створки.

Арсенал обольщения оставлял желать лучшего: пара летних сарафанов, костюм двоюродной сестры из Петрозаводска, забытый ею в последний приезд. Два свитера – с люрексом и без. Облысевшая ангора. И – венец высокой моды – вечернее платье из сомнительного качества панбархата.

– Убийца! – Нинон театрально воздела руки. – Позоришь высокое звание женщины. Признайся, все это время ты тратила деньги только на своего ташкентского альфонса?

– Нет, – огрызнулась Наталья. – Все это время я кормила его грудью...

– Ну, теперь он отчалил, благодарение небесам. Пусть возьмется за ум, мандаринами на рынке поторгует, актеришка. Я с самого начала была против этого мезальянса...

– Нинон, мандаринами торгуют абхазы. А узбеки торгуют курагой, – проявила недюжинную осведомленность Наталья.

– Да хоть финиками...

– Не заводись, пожалуйста...

Нинон вывалила все барахло из шкафа на диван и принялась придиричиво его осматривать.

– Та-ак... Ничего возбуждающего я здесь не нахожу. Жаль, что размеры у нас не совпадают, есть у меня один провокационный костюмчик «следуй за мной»... Сексапильный верх и игривый низ...

Наталья представила тушу Нинон в провокационном костюмчике «следуй за мной» и прыснула. Нинон, чуткая к колебаниям настроений подруги, рухнула на диван, прикрылась полуистлевшим панбархатом и тоже захохотала.

– Ну вот ты и возвращаешься к жизни. Жду тебя завтра в половине седьмого на выходе из метро у Дома книги.

* * *

К половине седьмого Наталья опоздала.

Чертов Владимир Воронов, новую книжку которого она приобрела на развале, спутал ей все карты. Воронов был любимым писателем Натальи и с периодичностью раз в три-четыре месяца выстреливал новым детективом. Воронова Наталья открыла для себя случайно, чуть больше года назад, когда последний раз ездила домой, в Днепропетровск. Уже на вокзале она купила несколько книжонок в аляповатых обложках сомнительного качества. Авторы подозрительно походили друг на друга кондовыми русскими фамилиями и все как один страдали литературным слабоумием. Самыми распространенными словами в этом тоскливом чтиве были: мошонка, ментовка и «макаров». А самым распространенным объяснением в любви считалось «возьми его в руки, детка...». Но Воронов... Воронов не был похож ни на кого. Он представлялся Наталье неряшливым барменом, виртуозно взбивающим коктейли из страстей, убийств и возмездия. Все его жертвы иронично подмигивали читателю мертвым левым глазом, кровь пахивала хорошим французским вином. А убийцы, перед тем как положить голову на плаху, выдавали несколько остроумных сентенций в стиле Ларошфуко.

...Последний шедевр Воронова назывался «Смерть по-научному».

Отдав последнюю тридцатку за книгу, Наталья спустилась в метро и, уже стоя на эскалаторе, принялась за чтение. Ну, конечно, Воронов не изменил себе: с первой же страницы на Наталью дохнул перегаром от апельсинового сока его постоянный герой – доморощенный сыщик-любитель Кривуля. Кривуля преподавал алгебру и начала анализа и все преступления раскрывал, не выходя из комнаты.

Наталья так увлеклась «Смертью по-научному», что проехала не только нужный ей «Невский проспект», но и следующую за ним «Сенную площадь». Пришлось возвращаться, на что ушло еще минут двадцать. Когда Наталья наконец-то выкатилась из метро, то первым, кого она увидела, был Владик. Вероломная Нинон все-таки уговорила его принять участие в судьбе брошенки-подруги.

– Привет, – упавшим голосом сказала Наталья.

– Привет-привет, девочка, – пропел Владик хорошо поставленным голосом змея-искусителя. – Прелестна, как всегда.

– А где Нинон? – Не хватало еще, чтобы они пошли на музыку барокко вдвоем с Владиком.

– Разве мы не можем провести вечер вдвоем, роднуля? – сразу же взял быка за рога Владик.

Испугаться такой перспективы Наталья не успела.

Из-за угла, поспешно доедая сосиску в тесте, вывернула Нинон.

– Ну, ты даешь, мать. Это же не заплеванная киношка для кексов с подругами – это филармония. А приходиться в филармонию за минуту до начала с языком на плече просто неприлично.

Владик не дал бывшей жене договорить. Он подхватил обеих дам под руки и увлек их к подъезду Малого зала филармонии.

Последний раз Наталья была здесь лет пять назад, в разгар романа с первым мужем, инструктором по парашютному спорту. Чтобы произвести впечатление на Наталью, инструктор пригласил ее на фортепианный концерт. Неискушенный в интеллектуальных развлечениях парашютист взял билеты в последний ряд и был чрезвычайно смущен тем, что в зале так и не погасили свет. Ближе к концу первого отделения, под «Венгерскую рапсодию» Листа, он всхрипнул, что не помешало Наталье ровно через месяц стать его женой.

Этот брак Нинон тоже назвала мезальянсом.

Похоже, что все отношения подруги с мужчинами были для нее мезальянсом.

– В буфет уже не успеем, – грустно констатировала Нинон. – Ладно, в перерыве оттянемся. Купи программку, Владислав...

Они просочились в зал, когда известный исполнитель Антон Бируля уже звякнул своей лютней, а заезжая знаменитость из Нидерландов – сопрано Зинье Киль – лучезарно улыбнулась слушателям.

Похожа на счастливую домохозяйку, подумала про себя Наталья, ей не надо убирать места общего пользования и выгребать из-под ванны клоки волос старухи Ядвиги Брониславовны.

Фрескобальди, Монтеверди, Перселл, Бах, Дауленд – тоже известные счастливицы. Чистое искусство – и никакого чада коммунальной кухни.

– «Свободен, как ветер». В песне поется о девушке, которую бросил любимый, – хорошо поставленным голосом объявила ведущая.

Наталья подперла рукой подбородок и под звуки лютни принялась думать о Джаве. Несчастливая любовь только выигрывает от такого аккомпанемента, черт возьми.

...Предательница Нинон покинула их сразу же после концерта. Случилось то, чего Наталья боялась больше всего: они остались вдвоем с Владиком.

– Зайдем, пропустим по стаканчику. – Судя по всему, Владик старательно следовал инструкциям Нинон.

– А потом? – спросила Наталья.

– Потом видно будет... Есть здесь одно уютное местечко. Глинтвейн, полумрак и ненавязчивое европейское обслуживание...

Господи, не все ли равно, тем более что и сам Владик всегда гарантировал своим дамам ненавязчивое европейское обслуживание. Наталья покорно позволила взять себя под уздцы и отвести к порогу продвинутого кабачка «Гарбо».

«Гарбо» полностью соответствовал характеристикам Владика и своему несколько экзотическому имени: он под самую завязку был забит фотографиями великой актрисы: «Ниночка», «Королева Христина», «Дама с камелиями»²... Вот только официантки почему-то больше смахивали на Марлен Дитрих: та же стервинка во взглядах и полное отсутствие задниц.

Владик профессионально заказал глинтвейн и закуски, так профессионально, что Наталья сразу же приуныла: ночи любви не избежать. Сценарий разработан и утвержден сердобольной Нинон. После кабака последует поездка в перманентно холостяцкую берлогу Вла-

² Фильмы с участием Греты Гарбо.

дика с последующим отрыванием пуговиц от блузки и застёжек от лифчика. А утром Наталья проснется новым человеком.

Освобожденная женщина Востока переквалифицируется в застенчивую амстердамскую шлюху. Веселенькая перспективка.

Наталья отодвинула от себя бокал с глинтвейном и поднялась.

– Ты куда? – настороженно спросил Владик.

– Я сейчас.

– А... ну-ну, – Владик осклабился и заговорщицки подмигнул ей.

Она выскочила из зала и почти бегом направилась в гардероб: слава богу, номерок при ней и падения в бездну удастся избежать. Владик, конечно, хорош, но сегодняшнюю ночь лучше провести с сыщиком-любителем Кривулей...

В метро Наталья снова уткнулась в пухлый томик Воронова. И снова проехала свою остановку. Но какое это имеет значение, если ее бросил Джава? Она вдруг подумала о том, что впервые за последний год возвращается в пустую комнату. И проведет пустую ночь. Эту и все последующие... Не стоило ей восставать против существующего положения вещей. Но кто бы мог подумать, что именно ташкентский ленивец Джава, этот мальчишка, этот стручок обжигающего перца, давал ей такое ощущение наполненности жизни? А теперь... Теперь она будет медленно умирать. И смерть ее констатирует консилиум из верной Нинон, неверного Владика и литературного девственника Кривули.

...Собака появилась неожиданно. Так неожиданно, что Наталья не успела испугаться, когда в нее ткнулся холодный собачий нос.

Доберман.

Доберман – и без намордника.

Ко всем напастям не хватало быть разорванной этой радостью эсэсовца, этой жуткой тварью, да еще недалеко от дома, в сумрачном заснеженном скверике с одиноко торчащей каруселью для младенцев...

Псина осторожно обнюхала ее, но отходить, кажется, не собиралась. Прижав сумочку с книгой Воронова к груди, Наталья завертела головой. Ага, вот и хозяйева, под стать собачке, такие же твари. Недалеко от нее на карусели сидели двое молодых людей самого разбойного вида.

– Уберите, пожалуйста, собаку, – пискнула Наталья. И тотчас же пожалела, что вообще произнесла какие-то слова и привлекла к себе внимание.

Молодые люди синхронно повернули узкие головы в ее сторону. Отступать некуда. Даже покачивающиеся силуэты владельцев выглядят предпочтительнее, чем усаженная кинжалными зубами собачья пасть.

– Уберите вашего пса!..

– Чего? – наконец-то разлепил губы один из них.

Собака глухо зарычала. Сейчас вцепится в сонную артерию, доберманы – большие специалисты по сонным артериям.

Лучше бы она осталась в кабаке с Владиком, глинтвейном и подбритыми бровями Греты Гарбо...

– Девуля! Смотри, какая девуля. – Подошедший молодой человек внимательно осмотрел Наталью и плотоядно улыбнулся. Ничего хорошего в этой улыбке не было. – Что-то поздно вы на прогулку вышли, а время нынче – сами знаете...

– Составите нам компанию, мадам? – издала поддержал молодого человека его спутник. – У нас и водочка есть...

– Уберите собаку.

– Сейчас-сейчас. Сейчас мы это уладим, – все так же улыбаясь, проблеял молодой человек и вытащил из кармана пустую пивную бутылку. – Пшла отсюда, тварь!..

Трогательное единение мыслей и чувств. Еще минуту назад Наталья остановилась на том же определении. Молодой человек неловко размахнулся и швырнул бутылку в собаку. Но прежде чем бутылка шлепнулась в снег, доберман сорвался с места. Наталья не стала дожидаться развязки. Трусливо подгибая ноги, она ринулась к выходу из скверика, к спасительному дому. Никогда прежде она не развивала такой крейсерской скорости, даже на зачетах по физкультуре. «Раз-два, береги дыхание, Натали, никакие они не владельцы, так, карусельные пьянчужки; раз-два, береги дыхание... Еще какая-нибудь вшивая минута, береги дыхание, раз-два!»

Но собака!.. Похоже, ее мало интересовали любители возлияний из сквера. Застенчивая плоть Натальи и такая же застенчивая кровь – вот основная цель проклятого пса. Доберман опередил Наталью на несколько мгновений и устроился возле подъездной двери. Тусклый свет от лампочки падал теперь на собаку, и Наталья наконец-то смогла рассмотреть ее.

Доберман, она не ошиблась. Вернее – доберманиха. Девочка. Сучка. Такая же девочка, как она. И такая же сучка, как Нинон: попыталась подложить ей в постель своего залежавшегося мужа, а еще подруга называется!..

Собака подняла острую морду, чуть склонила ее набок и внимательно посмотрела на Наталью. И тихонько заскулила. Несчастную доберманиху трясло мелкой дрожью, все брюхо было измазано грязью, бока страшно запали. На исхудавшей шее свободно болтался кожаный ошейник.

– Да ты потерялась, псина! – высказала осторожное предположение Наталья, и собака снова заскулила. Но от двери подъезда так и не отошла. – Я, между прочим, замерзла... Не май месяц. – Осмелев, Наталья сделала шаг вперед и попыталась обойти собаку с тыла. – Пустика меня.

Мягкие увещания Натальи произвели странное впечатление на доберманиху. Она прижалась к подъездной двери и царапнула ее лапой: неужели ты непустишь меня, Наталья?! Неужели ты оставишь меня замерзать на улице? Американские бойскауты, любители дроздов-рябинников, никогда бы так не поступили. И пионеры из южных областей бывшего Союза – тоже.

И Наталья дрогнула.

Негнушимися от мороза пальцами она набрала код на двери. Собака тотчас же юркнула в подъезд и, тяжело дыша, прижалась ввалившимся боком к батарее.

– Ну вот, – Наталья с сочувствием посмотрела на доберманиху. – Подожди, сейчас вынесу тебе что-нибудь поесть...

Не самая выдающаяся мысль: чтобы накормить такую, нужно вынести весь холодильник. В котором нет ничего, кроме кинзы, вяленой дыни и плова – остатки Джавиных гастрономических предпочтений... Пятясь задом, Наталья нащупала кнопку лифта. Дверцы тотчас же раскрылись, и она, с облегчением вздохнув, нажала светящийся прямоугольник своего этажа – «4».

Плов, пожалуй, подойдет. В любом случае свой гражданский долг она выполнила, не дала замерзнуть несчастному животному... А что, если Джава вернулся? Начало двенадцатого, а ее нет дома – он может подумать все, что угодно... Черт ее дернул пойти на поводу у Нинон. Собака тотчас же вылетела из ее бедной, почти смирившейся с шариадом головы.

...Вот только собака так не думала. Она встретила Наталью на площадке, у самой квартиры – блеском глаз и укоризненным выражением морды.

– Да ты, однако, ведьма! – Наталья даже не нашла нужным удивиться подобной собачьей прыти. – Ну ладно. Идем. Поужинаешь в домашних условиях...

* * *

Кастриюлю с пловом доберманиха оприходовала за минуту. Еще минута ушла на половину «Дарницкого» и остатки батона. Еще тридцать секунд – на ванильные сухари и оставшуюся со вчерашнего вечера с Нинон квашеную капусту.

– Не хватало еще, чтобы ты и меня сожрала, – вслух сказала Наталья. Такая перспектива показалась ей вполне реальной.

Выбрав остатки еды, доберманиха устроилась возле батареи отопления и спрятала голову в лапах: ее все еще была мелкая дрожь.

Бедная ты, бедная, брошенная девочка. И совсем не грозная, как я посмотрю...

Собака чем-то неуловимо напомнила Наталье Джаву – такое же поджарое, подтянутое к позвоночнику тело, такая же неуловимая грация в движениях. И такая же очаровательная неряшливость – под доберманихой уже успела образоваться грязная лужица. Наталья забралась с ногами на диван, прикрылась крошечной подушкой с восточным орнаментом – мало ли что взбредет в голову такой серьезной породе, как доберман. Одного плова могло не хватить, посему нужно быть готовой к защите мягких тканей живота.

И вообще – пора знакомиться.

– Иди сюда, – тихонько позвала Наталья. И для убедительности постучала кончиками пальцев по спинке дивана.

Собака нехотя поднялась и, приблизившись к Наталье, ткнула ей в колени, опустила голову – и так и застыла.

Похоже на благодарность за ужин при свечах, но гладить тебя я все равно не буду.

Наталья почесала переносицу и уставилась на ошейник: скорее всего несчастное животное просто потерялось. А до этого жило в приличном доме – темно-рыжий кожаный ошейник выглядел более чем респектабельно, вряд ли такой купишь в рядовом зоомагазине по рядовым ценам. Убедившись, что доберманиха ведет себя смирно, Наталья аккуратно сняла его. На внутренней стороне печатными буквами было выведено: «ТУМА».

Далее следовал телефон. И адрес: Васильевский остров, Большой проспект, 62/3, кв. 48. Неплохо, совсем неплохо. Для того чтобы оказаться на Петроградке, собаке пришлось перепрыгнуть мост – вот только какой из двух, соединяющих Васильевский с Петроградкой?.. Сама Наталья выбрала бы Тучков....

– Тума! – тихонько позвала Наталья, и доберманиха с готовностью залаяла. Лай был таким грозным, что Наталья вздрогнула. Держать у себя подобную машину смерти, даже изрядно потрепанную и растерявшую половину боезапаса, – верх легкомыслия. – Значит, тебя зовут Тума... Тумочка... Тумотя... – Звучит немного заискивающе. Точно так же она заискивала перед Джавой – «Джава, Джавочка, Джавуся». – А вы действительно похожи, друзья мои... Ладно, Тума. Сиди здесь, а я пойду звонить твоим хозяевам.

Держа ошейник в руках, Наталья отправилась в общий коридор, к телефону. И тотчас же нос к носу столкнулась с Ядвигой Брониславовной.

– Кто это у тебя тут гавкал? – подозрительно спросила старуха.

– Телевизор, – объяснять старой гримзе, что она притащила в их образцово-показательную коммуналку уличное животное, было выше Натальиных сил.

– По какой программе? – В бабе Яде был заживо похоронен оперативный сотрудник НКВД.

– По регионалке, – выкрутилась Наталья и спрятала ошейник за спину.

– А что за грязь в коридоре?

– Это я... ноги не вытерла... Простите, пожалуйста.

– Смотри, Наталья... Ты в Питере без году неделя, так что порядков своих хохлацких не устанавливай. Никакой живности. А то сегодня собаку приведешь, а завтра слона пропишешь. Смотри...

– Да-да, конечно, Ядвига Брониславовна. Я смотрю.

Наталья жила в коммуналке последние четыре года, но так и не научилась держать удар. Это сразу же просекли все обитатели квартиры, закалившиеся в позиционных кухонных боях. Кроткой Натальей помыкал даже соседский мальчик Андрюша, десятилетнее исчадие ада с задатками диктатора. Андрюша подбрасывал ей дохлых тараканов в суп и дохлых мышей в ботинки. Ни показательные порки отца, ни стенания матери не помогали: после экзекуций месть Андрюши становилась все изощреннее. Наталья нисколько не сомневалась, что рано или поздно обнаружит под своей дверью бомбу с часовым механизмом...

Устроившись на стуле возле телефона, Наталья разложила перед собой ошейник и набрала номер указанного на нем телефона.

Долгие гудки.

Никаких признаков жизни. Странно, если учесть, что сейчас никак не меньше полуночи. Похоже, уважаемые хозяева Тумы ведут светский образ жизни. И почерк, которым был записан адрес: самоуверенные буквы, самоуверенный нажим в конце слов. Они выдают евро-стандарт в квартире и мыслях, наличие престижной иномарки, дачи в окрестностях Репина и валютного счета в окрестностях маленькой европейской страны. Интересно, каким будет вознаграждение?.. Наталья еще раз набрала номер с ошейника.

Никаких подвижек.

Возвращаться в комнату, к оттаявшей доберманихе, не хотелось, и Наталья позвонила Нинон. В отличие от хозяев собаки Нинон оказалась дома.

– Ты просто дура, – Нинон не дала ей и рта раскрыть. – Владик ждал тебя целый час.

– И в результате ушел с официанткой.

– Неважно. Я снимаю с себя всякую ответственность за твою личную жизнь.

– Сделай одолжение... Я нашла собаку, Нинон.

– Лучше бы ты нашла какого-нибудь приличного мужика.

– С мужиками пока облом.

– Надеюсь, ты не притащила ее к себе домой?

– Нет, я должна была оставить ее замерзать на улице.

– И что за собака?

– Доберман.

– Безумица! Она же тебя загрызет. И всю вашу коммуналку заодно. И вообще, на твоём месте я бы от нее избавилась как можно скорее. Я понимаю, сострадание к братьям нашим меньшим и все такое прочее. Но это же не пекинес, в конце концов. И не болонка.

– Она просто потерялась. Завтра хозяева ее заберут, вот и все.

– Что, уже обнаружили?

– Пока нет. Но номер их телефона я знаю. Появятся же они рано или поздно.

– Лучше рано. А пока выведи ее на площадку. Привяжи к батарее, пусть там переночует.

– Посмотрим. – Наталья вспомнила мелкую дрожь, волнами идущую по спине собаки, ее несчастные желто-коричневые глаза и ребра, выпирающие из-под кожи. Выгнать собаку сейчас было бы предательством.

– И смотреть нечего. Она черная или коричневая?

– Она грязная. И несчастная.

– Черный доберман – не к добру, – подумав, заявила Нинон.

Рассердившись на Нинон, вещающую тоном египетской жрицы, Наталья повесила трубку. Доберманиха действительно была черной.

... В три часа ночи собака начала выть и метаться по комнате. Она подбегала к двери, требовательно царапала ее когтями и снова возвращалась к дивану, на котором тщетно пыталась забыться и заснуть несчастная хозяйка. Проклиная все на свете, Наталья сунула ноги в сапоги и набросила пальто прямо на ночную рубашку: судя по всему, Тума была большой любительницей ночных прогулок.

Что ж, придется подчиниться.

Но стоило им обеим выйти из комнаты, как они тотчас же наткнулись на старуху.

Ядвига Брониславовна сидела у телефона и проницательно шурила глаза.

– Собака, значит, – промурлыкала баба Ядя.

– Собака. Доберман, – запирается было бессмысленно.

Тума зарычала.

– Бешеная. В любой момент может укусить.

«Ты сама кого угодно на части разорвешь», – злорадно подумала Наталья, но сочла за лучшее не развивать эту скользкую тему.

– Она не бешеная. Просто друзья попросили... Всего лишь на пару дней, – вдохновенно соврала она.

– Учти. Завтра я тебя с ней на порог не пушу.

– Завтра вечером ее не будет, – тут же дала задний ход Наталья. Господи, сколько же можно пресмыкаться перед люмпен-пролетариатом?..

Подождав, пока старуха скроется в своей комнате, Наталья и Тума выскочили за дверь.

Все очень просто.

Я выпускаю собаку на улицу и захлопываю дверь подъезда. Только и всего. И никаких проблем, никаких грязных луж под батареей и измордованных остатков сухарей. Никаких склок с Ядвигой, тишь да гладь, да божья благодать. В моем нынешнем положении только собаки не хватало.

Но даже эта спасительная мысль не успокоила Наталью.

Имя.

Все дело в имени. Вернее, в кличке, выведенной на ошейнике. Кличка переводила абстрактную собаку в разряд конкретной. А предать конкретную собаку Туме – невозможно. Наталья вздохнула и открыла тугую дверь подъезда. Но Тума, проявлявшая до этого все признаки нетерпения, даже не подумала сдвинуться с места. Она повернула голову к Наталье и заскулила: одна я и шага на улицу не сделаю, так и знай. Стоит мне выйти, как ты тотчас же захлопнешь дверь.

Все-то ты понимаешь, псина.

– Ты что, решила, что я тебя выгоняю? – преувеличенно громко спросила Наталья доберманиху. – И в мыслях не было. Но если ты мне не доверяешь, можем выйти вместе...

... Они вернулись в квартиру спустя полчаса. И Наталья тотчас же принялась накручивать телефонный диск: к половине четвертого утра должны закончиться все рауты в посольствах и все фишки в казино. Кислотные вечеринки в расчет не берутся, вряд ли холеные (под стать ошейнику!) хозяева Тумы их посещают.

Но телефон молчал.

Он молчал и в четыре, и в без пятнадцати пять, и в шесть, когда в комнате Ядвиги заорала радиоточка. Выслушав сквозь дверь малоутешительные последние известия, Наталья пришла к единственно верному решению: сегодня после работы она вместе с Тумой отправится по адресу, указанному на ошейнике. Оставлять чужую собаку в коммуналке – безумие чистой воды. А в доме № 62/3 по Большому проспекту наверняка есть консьержка, какая-нибудь милейшая старушка, тайная поклонница фильма «Благословите детей и зверей». Она-то и присмотрит за собакой, и передаст ее с рук на руки хозяевам. О вознаграждении, конечно, придется забыть, но относительный покой в стае коммунальных пираний – дороже...

На этом и остановимся.

7 февраля. Воронов

Кризис начался два месяца назад.

Он, как змея, вполз в размеренную жизнь Воронова, играючи развалил крепко сбитый сюжет очередной книги и задушил в своих объятиях уже написанные главы. Начало кризиса совпало с вирусным гриппом и потому не особенно обеспокоило Воронова: он привык болеть. Вороновские болезни делились на сезонные и демисезонные и варьировались в зависимости от времени года. Летом его мучили приступы сенной лихорадки, куриная слепота и трофические язвы; зимой приходил черед острых респираторных заболеваний, ячменей и экссудативных плевритов. Три раза Воронов болел крупозным воспалением легких с подозрением на туберкулез; дважды лежал с гастроэнтероколитом в окружном госпитале моряков-подводников – протекция его литературного агента, вопиющего здоровяка Семена Марголиса. А на такие мелочи, как гипертоническая болезнь и аллергия на кошек, собак и мед «Разнотравье», он научился и вовсе не обращать внимания.

Большую часть гонораров Воронов тратил на новейшие медицинские препараты и фармакотерапевтические справочники. И на свое последнее увлечение – атласы редких и экзотических болезней. Эта нервная, беспокоящая, как стригущий лишай, страсть к атласам началась еще в прошлом году, за неделю до его первой зарубежной поездки – в Египет. Энергичному Марголису удалось выйти на египетских издателей, и Воронов был приглашен в Каир для заключения договора. Билеты на самолет были куплены, гостиница заказана, проживание оплачено... И надо же было такому случиться, что именно в этот радужный момент всеобщего мира и согласия Воронову попала на глаза подметная статейка из «Аргументов и фактов» – «ОТДОХНУЛ? ТЕПЕРЬ ВСЮ ЖИЗНЬ ЛЕЧИТЬСЯ!». Статьей произвела на Воронова неизгладимое впечатление. Всю ночь ему мерещились скопища малярийных комаров в носоглотке и личинки мухи цеце в области среднего уха. Ощущения были такими непередаваемо яркими, что Воронов едва дождался утра.

Утром он позвонил Марголису.

– Я никуда не еду, Семен, – сообщил Воронов своему агенту.

– В смысле? – Спросонья Марголис соображал туго.

– Если я отправлюсь в Египет, то живым оттуда не вернусь. – Воронов, художественно подвывая, зачитал Марголису статью.

Когда он закончил чтение, на другом конце провода воцарилась гробовая тишина.

– Ну? – Воронов даже подул в трубку, чтобы убедиться, что их не разъединили.

Их не разъединили.

– Даже не знаю, что мне делать: смеяться или плакать, – выдохнул Марголис и разразился потоком самого отборного площадного мата. – Ты понял меня, идиот?!

– Можешь говорить что угодно, – тихо заметил Воронов. – Я и с места не двинусь.

Через полчаса Марголис ломился в двери вороновской квартиры, бессильно угрожая ОМОНОм, СОБРОм и психиатрической лечебницей. К вечеру, измотанный неприступностью Воронова, он изменил тактику. Никаких матов, никаких угроз, доброта и кротость агнца на заклянии. Голос агнца был таким смиренным, а интонации – такими умиротворяющими, что Воронов дрогнул. И открыл двери.

Агнец Марголис пришел не один. Он привел с собой трех цветущего вида козочек. Козочки были отрекомендованы Воронову давними приятельницами литагента – Викой, Никой и Гелей. При этом по странному стечению обстоятельств Ника и Вика оказались владелицами турфирм, а Геля – врачом-эпидемиологом. Весь вечер дамы (под ирландский ликер «Старый Дублин» и «Дом Периньон» урожая 1956 года) втолковывали упряму о полной без-

опасности Египта, демонстрировали щиколотки, украшенные хольхаль³, и сувенирные свитки папирусов с изображением бога Ра. Ближе к полуночи в ход пошел танец живота. Но Воронов, весь вечер лакавший боржомом, на танец живота не клюнул. Не клюнул он и на лекцию эпидемиолога Гели о полной стерильности долины Нила и окрестностей.

– Вы, конечно, можете мне не поверить, Владимир Владимирович, но самое страшное, что может ждать вас в Египте, – это кухня. Если вы, конечно, предпочитаете бессолевую диету и неострую пищу. И все. Никаких вредных насекомых, разве что нищие в историческом центре, да и то они в это время года предпочитают отсыпаться...

– Ну да. И вся вода там – святая, – иронически хмыкнул Воронов. – А как насчет геморрагической лихорадки Эбола?

Удивительное дело, но «дипломированный эпидемиолог» к такому простейшему вопросу оказалась не готова. А вполне невинное определение «геморрагическая» заставило ее покраснеть. Воронов отнес это на счет ирландского ликера «Старый Дублин» и вызвал Семена на кухню: переговорить.

– Кого ты мне привел?

– Какого черта, Володенька! Это мои старые подруги, еще институтские...

– Ты же никогда не учился в институте. – В жизни Воронова было слишком мало людей, чтобы не помнить их биографии.

– Умолчал. Скрыл. Выгнали с третьего курса за аморалку, – Марголис даже не подумал капитулировать. – Собирай чемодан и не дури. Девочки – специалистки, им вполне можно доверять...

– В каком стриптиз-клубе ты нашел этих специалисток?

Последняя, неосмотрительно брошенная реплика заставила Марголиса взорваться:

– Помолчал бы ты, последний девственник заповедника «Горный Алтай»! Как ты вообще можешь рассуждать о стриптиз-клубах? У тебя даже трехрублевой вокзальной шлюхи не ночевало!..

Это была чистая правда.

В декабре Воронову стукнуло тридцать шесть, но его знание прекрасного пола ограничивалось бунинскими «Темными аллеями» и книжицей Карен Хорни «Женская психология». Впрочем, дальше первой главы – «О происхождении комплекса кастрации у женщин» – Воронов не пошел. Названия всех последующих глав пугали его так же, как и сами женщины. Это был застарелый мальчишеский страх – страх щуплого прыщавого подростка перед существами высшего порядка. Все свое детство – в перерывах между болезнями и клиниками – Воронов провел за благополучным и вполне добропорядочным собиранием марок. Он никогда не подглядывал за девочками в школьной раздевалке, никогда не занимался онанизмом, а первая поллюция спровоцировала у него экзему на нервной почве. Чтобы избежать гормональных трудностей и излишних эмоциональных переживаний, Воронов переключился на научно-популярную литературу, где не было места любовным страстям и войне полов. Впрочем, его роман с естествознанием продолжался недолго: до того знаменательного дня, когда Воронов прочел фундаментальный труд о каракуртах. И о коварной женской половине каракуртов – «черных вдовах». «Черные вдовы» сжирали самцов сразу же после оплодотворения, и это произвело на юного Воронова неизгладимое впечатление. А первый (и единственный!) роман в возрасте двадцати одного года не закончился ничем – после того, как Воронов узнал, что его возлюбленная и потенциальная невеста уже успела побывать замужем и овдоветь.

С тех пор в близких знакомых у Воронова числились только три женщины: редактор Ольга Рябчикова, корректор Зинуля и дама бальзаковского возраста, ежемесячно снимающая в вороновской квартире показания счетчика. Даже когда он начал писать книги и – совершенно

³ Хольхаль – египетские ножные браслеты; украшение замужних женщин.

неожиданно для себя – стал популярным беллетристом, даже тогда его отношения с женщинами не претерпели кардинальных изменений. Формула «успех всегда сексуален» в вороновском случае не сработала. Воронов панически боялся интервью (источник воздушно-капельных инфекций), пресс-конференций (источник сквозняков) и приглашений на телевидение (источник вредных электромагнитных излучений). По этой же причине он игнорировал компьютер и до сих пор ваял все свои романы на стареньком «Ундервуде», купленном в комиссионке за смешные деньги. Старания сердобольного Марголиса найти ему подходящую бабенку на какой-нибудь высокохудожественной вечеринке ни к чему не привели: вечеринки Воронов стойко игнорировал.

Все это привело к тому, что безобидный и вяло бредущий по жизни Воронов приобрел в литературном мире репутацию сноба, хама и беллетриста-террориста. Его обожали читатели, снисходительно похваливали критики и ненавидели собратья по перу. О Воронове ходили самые невероятные слухи: ему приписывали недвижимость во Флориде, роман с американской актрисой Вупи Голдберг, внебрачного ребенка от польской певицы Марыли Радович, целый автопарк раритетных «Роллс-Ройсов» и членство в тамбовской преступной группировке. Одна из многочисленных статей о Воронове называлась «Писатель-фантом». И это тоже было правдой.

Воронова никто и никогда не видел.

Поговаривали, что за фамилией «Воронов» скрывается команда молодых борзописцев из Литературного института или – как вариант – команда вышедших в тираж интеллектуалов-шестидесятников, мастеров «городского романа». За Воронова дрались два питерских Союза писателей – продвинутые западники и кондовые славянофилы, – но он так и не вступил ни в один из них. Членство в союзе требовало присутствия на заседаниях секции, а большое скопление людей – этих распространителей бацилл, микробов и палочек Коха – нервировало Воронова. Поход в соседний супермаркет за провиантом (такие вылазки с величайшими предосторожностями Воронов предпринимал два раза в месяц) становился для него самым настоящим приключением. И – источником сюжета. Особенно вдохновляли Воронова овощные ряды. Банальная луковица или тривиальное авокадо подсказывали ему завязку и развязку. А головка брюссельской капусты – коллизии и героев. В соавторах Воронова числились также Большой энциклопедический словарь и иллюстрированный англо-французско-немецко-русский разговорник Сольмана. Именно из этих нехитрых ингредиентов Воронов и стряпал свои романы. И лишь у его постоянного героя – сыщика-любителя Кривули – был настоящий прототип: зав. хирургическим отделением больницы № 18 А. П. Кривуля. Шесть лет назад Воронов попал под нож А. П. Кривули с гнойным перитонитом, и хирург с трудом вытащил будущего беллетриста с того света. А после операции с надомником Володей Вороновым, шившим на заказ чехлы для автомобилей, произошло чудо: он почувствовал непреодолимую тягу к писательству.

Свою первую рукопись Воронов направил сразу в четыре издательства.

Откликнулось последнее по счету, специализирующееся на дешевых боевиках и не менее дешевых любовных романах. Воронова вызвали в Москву, и в предбаннике у заместителя генерального директора он познакомился с Семеном Марголисом. Марголис тоже приехал из Питера – по делам одного из своих авторов. Ожидая аудиенции у Великого и Ужасного Заместителя, Марголис и Воронов разговорились. Воронов показал литагенту первую главу своей рукописи и с ходу получил предложение о сотрудничестве: у Марголиса оказался фантастический нюх на литературную конъюнктуру. И Воронов с ходу согласился; он слишком хорошо помнил причитания покойной матери: «Как же ты жить будешь, бедняжка? Тебя же куры клюют». Воронов согласился – и ни разу об этом не пожалел. Марголис оказался идеальной машиной для защиты – и от кур, и от всего остального.

К заместителю генерального они вошли вместе.

Марголис, представленный заместителю как литературный агент начинающего писателя Воронова, хорошо знал свое дело. Прикрыв веки и ласково улыбаясь, он выдвинул три неоспоримых тезиса:

1. Мы с вами умные люди и хорошо понимаем, *сколько* на самом деле стоит эта рукопись.
2. В ваши руки попал материал победы.
3. Воронов – это надолго.

Из кабинета заместителя Воронов и Марголис вышли, отягощенные тремя тысячами долларов. Они получили на тысячу больше, чем ожидал Марголис, и на две – чем рассчитывал сам Воронов. На обратном пути, в купейном вагоне «Красной стрелы», Воронов заработал воспаление носовых пазух, и с тех пор в Москву ездил только Марголис.

К тому времени, как первая книга Воронова «Смерть ходит с туза» заняла почетное третье место в списке бестселлеров месяца, Семен расстался со своими прежними авторами – с такой же легкостью, с какой расстаются с надоевшими любовницами. А расставшись, целиком сосредоточился на Воронове.

– Еще пара лет, и мы сделаем из тебя русскую Агату Кристи.

Это показалось Воронову оскорбительным: участвовать в одном забеге с целой сворой литературных дамочек.

– Нет. Агату Кристи не надо. Лучше уж Себастьяна Жапризо⁴...

– Жапризо так Жапризо. Будет тебе Жапризо, – для Семена Марголиса не существовало ничего невозможного.

В этом Воронов убедился сразу же. Марголис оказался незаменимым: он взял на себя все финансовые дела Воронова, отдав на откуп болезненному писателю лишь покупку снэди, лекарств и горчичников. Он переполошил журналистов, он подбрасывал книги Воронова в редакции газет и почтовые ящики критиков. Он пробил радиопостановки по первым двум романам и продал права на экранизацию третьего. Он окружил мизантропа Воронова ореолом таинственности («Ты будешь везде и нигде, как господь наш всемогущий. Ты понял меня, идиот? Делай так, как говорит тебе Семен Марголис, и ты проснешься знаменитым»). Многочисленные родственники Марголиса, разбросанные по всему миру, от Израиля до Биробиджана, организовали такие же многочисленные фан-клубы. У Воронова стараниями Марголиса даже появился свой сайт в Интернете; в нем было все – от художественного описания детства писателя до его музыкальных и гастрономических предпочтений. Не было только фотографий – и в этом тоже заключался дальний умысел Марголиса.

– Посмотри на себя, Володенька. У тебя же физиономия раввина. Такие, с позволения сказать, ряхи могут возбудить только диссидентов и спившихся интеллектуалок. Людей нашего круга, одним словом. А простому народу нужно что-нибудь побрутальнее...

– Побрутальнее? – это слово всегда заставляло Воронова врасплох.

– Ну да. Хемингуэй, например. Или Джек Лондон.

– Они не писали детективов...

– Какая разница? Важно, чтобы с писателем хотелось переспать. Это же азы массовой культуры. Без этого – никуда. Пусть плебс думает, что ты служил в убойном отделе, вычислил парочку серийных маньяков, а в плановый отпуск совершил восхождение на Эверест.

– Не согласен.

– С чем?

– С серийными маньяками. Это уже не детектив, а триллер...

– Триллер, детектив – не все ли тебе равно? Пиши шедевры, а я позабочусь обо всем остальном...

И Воронов писал. За три года он издал пятнадцать романов. Все они были объединены одним героем: это тоже был совет доки Марголиса. Читатель должен воспринимать главное

⁴ Популярный французский писатель, мастер психологического детектива.

действующее лицо книги как своего близкого родственника. А за судьбой близкого родственника всегда хочется следить; всегда хочется знать, что он ест на завтрак, как вычисляет преступников, с кем ходит в кино на последний сеанс, а с кем – на выставку японской гравюры семнадцатого века. Благодаря чуткому руководству Марголиса романый Кривуля обзавелся милыми привычками, аквариумом емкостью сто литров и специальностью «прикладная математика» – «Ничего не поделаешь, Володенька, люди гораздо больше доверяют представителям абстрактных профессий. Это возвышает их в собственных глазах».

К третьему роману Кривуля оперился и наконец-то выбрал для себя специализацию: хорошо спланированные и блестяще исполненные убийства с самыми изощренными мотивами. Герой Воронова – с подачи автора, разумеется, – укладывал преступные схемы в математические формулы, алгебраические и трансцендентные уравнения. И уравнения из смежных областей знаний, включая уравнение Лапласа и уравнение Ван-дер-Ваальса. Не брезговал Кривуля и теоремами – и тогда злодеи штабелями прыгали в «Пифагоровы штаны».

Вот только с женщинами у героя не заладилось с самого первого романа: все они были либо свидетелями, либо потерпевшими. Все они либо помахивали Кривуле мертвыми ресницами с прозекторских столов, либо давали путаные показания.

Без каких-либо промежуточных вариантов.

Вначале Марголис как мог боролся с женоненавистническими тенденциями в творчестве подопечного. А потом смирился и даже стал находить в этом мрачную прелесть.

– Ну что ж, Володенька, хоть этим ты отличаешься от остальных соискателей на должность Жапризо. Никаких страстей, никаких силиконовых сисек, никаких обручальных колец. Твой аскетизм должны оценить по достоинству.

Марголис как в воду глядел. Популярность Воронова росла от романа к роману. О нем писали статьи и монографии, он занимал первые места в лучших «семерках», «десятках» и «двадцатках», но...

Но в жизни Воронова ничего не изменилось. Он по-прежнему жил в двухкомнатной квартире, оставленной ему покойной матерью, по-прежнему ел геркулес на завтрак и тертые овощи на обед. И по-прежнему одевался в старую клетчатую ковбойку с заплатками на рукавах и такие же старые джинсы с заплатками на заднице.

Марголис, стараниями Воронова сменивший подержанную «шестерку» на роскошный джип, так и не смог втолковать Володеньке, что его популярность требует совершенно иного статуса.

– Я не призываю тебя ездить на уик-энд в Монте-Карло, но хотя бы купи себе приличный костюм! Денег же – море!..

Воронов внял совету своего агента и обзавелся... фильтрами для воды, душем с вибромассажем и немецким аппаратом для измерения артериального давления. А все свободное время проводил за классификацией и сортировкой таблеток, микстур и аэрозолей. Марголис, два раза в неделю посещавший «приют убогого чухонца», только руками разводил.

– Ну что ты за отстойный человек, Володенька? Видели бы тебя твои поклонницы!.. Ноль романтики, ноль поэзии, сплошная кружка Эсмарха и катетер в придачу.

– Гонадотропин менопаузный для инъекций, – вяло защищался в таких случаях Воронов. – Лиофилизированный стерильный порошок во флаконах. Семьдесят пять единиц препарата. По-моему, звучит очень романтично, ты не находишь?..

Названия лекарств менялись, но в этом месте Марголис всегда сникал: бороться с Вороновым не представлялось никакой возможности. Они работали вместе три года, и за эти три года Воронов успел стать одним из самых высокооплачиваемых беллетристов. Деньги Воронова Марголис исправно переводил на счет одного из коммерческих банков в Германии (в этом банке работал деверь Марголиса по материнской линии). А во все остальное с некоторых пор

предпочитал не вмешиваться: пусть живет как хочет, ипохондрик проклятый. Главное, чтобы гнал макулатуру.

Обжегшись на неудавшейся поездке Воронова в Египет, литагент стал осторожнее. Он состряпал доверенность на свое имя и теперь подписывал договора от имени писателя. И все было безоблачно – до тех самых пор, пока Воронова не настиг творческий кризис.

Два месяца.

Ровно два месяца Воронов не мог написать на своем «Ундервуде» ни строчки. Слова, казалось, разбитые церебральным параличом, не складывались в предложения. А сами предложения больше напоминали престарелых инсультников. Воронов вставал в шесть утра и после добросовестного приема целого комплекса лекарственных препаратов усаживался за письменный стол. Он добросовестно проводил за столом часы и дни, но бывшая легкость не приходила. Сначала он впал в панику, потом – в неистовство, потом – в апатию. И когда до сдачи рукописи очередного романа оставалась неделя, а ни одной приличной строчки так и не было написано, Воронов решил открыться Марголису.

Он вытащил своего литагента с очередной презентации очередного телесериала о суровых буднях работников правоохранительных органов. Марголис успел изрядно накачаться дармовой фуршетной водкой и потому даже не сразу понял суть происходящего.

– Я исписался, – трагизм происходящего заставил Воронова перейти на фальцет. – Я исписался и завалил книгу.

– Что за бред ты несешь, Володенька? У тебя же сдача тринадцатого...

– Именно. А в наличии только три абзаца.

– Только не злоупотребляй успокоительным. Скоро буду.

Как ни странно, но, переложив всю ответственность за свою так неожиданно забуксовавшую карьеру на литагента, Воронов почувствовал себя лучше. Сейчас прилетит ангел-хранитель с деловитой проплешиной на макушке – и все разрешится само собой.

Марголис не заставил себя ждать: от вороновской способности выплевывать шедевры зависело и его благополучие. С порога он потребовал скелетик рукописи, перечитал три квелых абзаца и глубоко задумался.

– Что скажешь, Семен?

– Да-а... Похоже, что тебе необходим творческий отпуск. Невозможно работать в таком режиме. Пять полноценных детективов в год – и так на протяжении трех лет... Умом тронуться можно. Отдохнешь где-нибудь на Канарах...

– Семен! – упреждающе поднял палец Воронов.

– Пардон... Отдохнешь на кушетке в дальней комнате. Месячишко-другой. А там видно будет.

– А издательство?

– Забудь об издательстве. Спишем все на форс-мажорные обстоятельства. В конце концов, автор твоего масштаба имеет право на каприз. Они же не варвары, должны понимать.

– А если... если она не вернется?

– Кто?!

– Ну... способность писать. Как пришло, так и ушло. Такие случаи уже бывали... в мировой художественной литературе.

– Ну, во-первых, ты имеешь дело не с литературой, а с беллетристикой, – Марголис умел быть безжалостным. – И во-вторых, куда ты денешься? Владимир Воронов – это даже уже и не писатель...

– А кто? – испугался Воронов.

– Владимир Воронов – это торговая марка. Если твой чертов кризис затянется на неопределенное время – найдем литературных негров. Пускай корячатся, руку набивают.

– О чем ты говоришь? Каких негров?

– Обыкновенных. Голодных мальчиков без амбиций. Такое практикуется.

– Нет! Я не могу... – Воронову вдруг стало нечем дышать, и он несколько раз беспомощно взмахнул рукой.

– Да ладно тебе. До этого еще далеко. Это я так сказал, на всякий случай.

Марголис потрепал Воронова по плечу, близко придвинулся и обнажил в улыбке острые желтоватые клыки. Три года назад он оставил всех своих малоперспективных авторов ради одного – многообещающего. Но стоит Воронову сойти с дистанции, как Семен тотчас же найдет себе еще одного Воронова, но гораздо более талантливого. Семен будет носиться с этим новым дарованием как курица с яйцом, утирать ему нос и придумывать биографию и повадки. И так же, поблескивая лысиной, умело окучивать все заинтересованные стороны...

От этой мысли Воронову стало страшно. Семен был его единственным другом, единственным окошком в большой и вопиюще антисанитарный мир. Мир, в который он, Воронов, не войдет никогда. Потерять его было равносильно смерти от асфиксии. Или от сердечной недостаточности – ни один нитроглицерин не поможет.

– О чем ты думаешь, Володенька? – настороженно спросил Марголис.

– По-моему, у тебя слишком много зубов.

– Это для того, чтобы вовремя загрызть всех наших врагов, идиот! А вообще, баба тебе нужна, Воронов. Баба.

– Зачем? – искренне удивился Воронов.

– Да, действительно. – Марголис почесал лысину и подмигнул Воронову. – Действительно, зачем? Баба будет отвлекать тебя от фармакотерапевтического справочника под общей редакцией профессора Ф. П. Тринуса. Ладно... К машинке пока не подходи, а я завтра позвоню в Москву и все утрясу. А то, может, поедем на банкет? Вечеринка еще не закончилась...

Это был риторический вопрос.

Проводив Марголиса и измерив кровяное давление (сто сорок на сто), Воронов угнездился в кровати и открыл зачитанный до дыр «Атлас редких и экзотических болезней». Отдыхать так отдыхать. Он это заслужил, черт возьми!..

8 февраля. Наталья

...Едва лишь Наталья повернула ключ во входной двери, как сразу же поняла, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Старая карга Ядвига Брониславовна и обе Бедусихи – мать и дочь – восседали против ее комнаты на табуретках. Малолетний Андрюша безнаказанно вертелся тут же и, при всеобщем попустительстве взрослых, плевался из бумажной трубочки горохом. Прямо в дверь ее комнаты, откуда с равными временными промежутками доносился жуткий, нечеловеческий вой. С теми же равными промежутками дверь сотрясалась от ударов. От страха у Натальи отказали ноги, но упасть она так и не успела: революционная тройка вззрилась на нее.

– Пришла, – веско заметила баба Ядя.

– Ага. Приволоклась, – поддержала ее Бедусиха-старшая.

– Принесла нелегкая, – завершила тираду Бедусиха-молодая. А малолетний Андрюша выпустил в сторону Натальи горох.

– Добрый вечер. – Наталья была близка к обмороку, но все же нашла в себе силы поприветствовать ревтрибунал.

Теперь ревтрибунал отреагировал на невинную реплику Натальи в обратном порядке.

– Кому добрый, а кому и не очень, – отрезала Бедусиха-молодая.

– Мы за участковым послали. Чтобы пристрелил вашего бешеного пса. С утра двери выносит. И воем, как перед смертью. Ни стыда ни совести у людей. Въезжайте на отдельную жилплощадь и там хоть крокодилов разводите. – Бедусиха-старшая обожала проповеди на

морально-этические темы. – А в коммунальной квартире уж будьте любезны... Понаехали тут...

– Я тебя предупреждала, Наталья, – подвела итог баба Ядя. – Порядков своих не устанавливай. Допрыгалась ты. Сейчас вот милиция пожалует – и все. Нет твоей собаки.

За запертой дверью раздался вой Тумы. И Наталья, проклиная все на свете, бросилась открывать.

Собака, сидевшая посередине дивана, на ночной рубашке Натальи, при виде спасительницы сразу же успокоилась. Она подбежала к Наталье и дружелюбно завиляла обрубок хвоста.

– Некогда, душа моя, некогда. – Наталья потрепала доберманиху по худому, прихотливо изогнутому загривку. – Ноги в руки – и прочь из этого вертепа.

Но выводить собаку в одном ошейнике было верхом безумия. Кто знает, какие мысли бродят в узком черепе Тумы? Подумав, Наталья соорудила из сумочного ремня некое подобие поводка и пристегнула карабин к ошейнику.

– Ну, пойдем. Поужинаем в другом месте.

Судя по всему, поводок дисциплинировал Туму; проявив чудеса послушания, она тотчас же пристроилась у левой Натальиной ноги и приподняла морду: жду дальнейших распоряжений.

Когда спустя минуту они вышли в коридор, там оставался лишь сексот Андрюша. Все остальные разбрелись по комнатам наводить марафет перед приходом участкового.

– Мама, мама! – тотчас же запищал маленький злодей. – Она уводит. Она собаку уводит! Вздыбив шерсть, Тума зарычала.

– Слушай, ты, скотина, – с неведомым ей доселе сладострастием прошептала Наталья. – Если ты еще раз откроешь свой поганый рот, я спущу собаку с поводка. И она снимет с тебя скальп. И голым в Африку пустит. Ты все понял?

– Понял, – Андрюша сразу присмирел. – А как ее зовут?

Не удостоив сопляка ответом, Наталья хлопнула входной дверью.

...В первой же телефонной будке она набрала номер хозяев Тумы. Никаких изменений, долгие гудки, на Западном фронте без перемен. Оставалась Нинон. Вряд ли Нинон согласится приютить доберманиху, но все же, все же...

Нинон сняла трубку на седьмом гудке, когда Наталья уже отчаялась услышать ее голос.

– Вас слушают, – судя по деловому кокетству в интонациях, Нинон не одна.

– Это я... Слушай, Нинон, ты бы не могла мне помочь?

– Я уже пыталась тебе помочь... Что еще не слава богу?

– Собака.

– Какая собака?

– Вчерашняя доберманиха. У меня вся квартира на рогах.

– Исключено.

– Ты что, не одна?

– Да, – Нинон понизила голос. – Так что сама понимаешь... У меня и так жизнь собачья, а здесь еще и ты с какой-то пришлой доберманихой. Сдай ее в приют. Есть же всякие питомники.

Тума, до этого стоявшая смирно, неожиданно дернула импровизированный поводок и заскулила.

– Ты понимаешь, Нинон. Это неэтично. Я знаю адрес ее хозяев, и отправлять собаку в приют...

– А поднимать меня с ложа любви – этично?

– Да. Ты права. Прости...

– Ничего, – сразу же смягчилась Нинон. – В конце концов, съезди по адресу. Мало ли, может, у них телефон отключили.

Мысль была такой простой и гениальной одновременно, что Наталья даже рассмеялась. Ну конечно, у них отключен телефон, только и всего. Ей давно нужно было бы сообразить.

– Ты прелесть, Нинон. Я тебя обожаю.

– Привет доберманихе, – грудным голосом пропела Нинон и повесила трубку.

Выйдя из будки, Наталья подхватила первый попавшийся таксомотор (долгой тридцатку из скудного бюджета!) и через десять минут была уже на Васильевском.

* * *

Дом № 62/3 по Большому проспекту Васильевского острова оказался мрачным шестиэтажным строением с облупившимися кариатидами на фронтоне. Кариатиды щерили зубы и поддерживали на своих мощных плечах вывеску «ДИКИЙ МИР». КАФЕ-БАР-МАГАЗИН. КРУГЛОСУТОЧНО». В широком окне КАФЕ-БАРА-МАГАЗИНА красовался психоделический плакат: «Хороший человек – это тот, кто пьет и закусывает с удовольствием».

Исчерпывающее определение.

Наталья улыбнулась и тут же с трудом удержалась на ногах: доберманиха, дрожа всем телом, потащила ее за угол. У дверей второго подъезда хлипкий ремень из кожзаменителя оборвался, и Тума, открыв лапой дверь, исчезла в темноте. Наталья последовала за ней.

Конечно же, ни о какой консьержке не могло быть и речи. Внутренности заплыванного и загаженного подъезда произвели на Наталью удручающее впечатление. Их собственный дом (тоже старый фонд, между прочим!) выглядел куда предпочтительнее. Кроме того, не работал лифт. И Наталья тотчас же прикинула: чтобы добраться до квартиры номер сорок восемь, ей придется пешком тащиться на шестой этаж. А к таким акробатическим этюдам она не готова.

Вой Тумы, доносящийся откуда-то с самого верха, заставил Наталью двигаться живее. Когда, с языком на плече, она добралась до площадки шестого этажа, вой перешел в сип. А Тума с остервенением принялась царапать железную дверь. Осторожно обойдя беснующеся животное, Наталья нажала кнопку звонка и приложила ухом к двери.

В квартире царила гробовая тишина.

Устав выть, Тума улеглась на резиновый коврик и затихла.

Черт, черт, черт, веселенькое дельце. Хозяев нет и не предвидится, а волочить собаку обратно на Петроградку и вовсе не представляется возможным. Можно, конечно, добраться до Нинон (еще семьдесят рублей долгой) и поставить ее перед фактом. Добрая толстая Нинон не откажет собаке в крове. А если откажет? Если она вообще не откроет дверь? Любовные утехы требуют тишины, покоя и сосредоточенности...

Тума, казалось, совсем забыла о Наталье. Она положила голову на лапы и умиротворенно прикрыла глаза: дом совсем рядом, родные запахи сочатся из всех щелей, рано или поздно она попадет на свой надувной матрасик у двери...

– Ну ладно, девочка, пойдём, – голос Натальи вывел Туму из приятной задумчивости. – Что-нибудь придумаем по ходу...

Это был крошечный, почти невинный обман: все уже придумано, прямо отсюда они отправятся к метро и купят газету «Из рук в руки», там наверняка должны быть указаны адреса питомников для животных. В крайнем случае можно обратиться в горсправку. Видит бог, она сделала все, что могла, она посвятила чужой собаке сутки, она не оставила ее замерзать на улице.

Да. Адреса питомников – вот ее задача на ближайший час.

– Идем, Тума. Видишь, твоих хозяев нет...

Тума даже ухом не повела. Что ж, придется применить силу.

Наталья ухватила доберманиху за ошейник и тотчас же пожалела об этом. Собака повернула к ней надменную царственную голову и ощерила пасть. Сахарные клыки, способные за

минуту перемолоть немудреную человеческую анатомию, закачались в Натальиных зрачках. Все – ночной стылый парк, казан с пловом, место у батареи, – решительно все было забыто. Тума готова разорвать ее на части. И только потому, что Наталья желает ей добра...

– Ну и черт с тобой. Сиди здесь хоть до второго пришествия. А я умываю руки.

Собака отвернулась от Натальи и прижалась головой к двери.

– Скотина неблагодарная, – отступив на всякий случай к лестнице, сказала Наталья.

Странное дело, она вдруг почувствовала себя преданной. Даже собаке наплевать на нее, что уж тогда говорить о Джаве... Собака воспользовалась ее квартирой, чтобы не умереть от голода и холода; Джава воспользовался ею самой, чтобы решить свои сиюминутные проблемы с жилплощадью. Теперь наверняка нашел себе другую женщину, постарше и побогаче. Восточные инфантильные мальчики всегда предпочитают искушенных в житейских бурях женщин... Но почему она, Наталья, позволила себя использовать?

Прилив ненависти – к себе и другим – был таким сильным, что Наталья поспешила покинуть площадку. Но, дойдя до пролета между вторым и первым этажом, остановилась: в конце концов, собака просто продемонстрировала верность хозяевам и родной железной двери. Глупо требовать от нее подчинения. Глупо злиться на нее. Есть еще один вариант, который она не учла.

Соседи.

Наверняка они знают хозяев. Нужно просто позвонить в любую из двух дверей на этаже. Квартиры сорок шесть и сорок семь... Почтовые ящики с их номерами маячили тут же, в пролете. Одинаковые узкие пеналы с сорванными замками – в их подъезде висят точно такие же.

Почтовый ящик под номером сорок восемь был одним из немногих, украшенных добротным замком. Скорее машинально, чем преследуя какую-то цель, Наталья заглянула в узкую щель: несколько объявлений о ремонте аудиовидеотехники и белый запечатанный конверт. Наталья переползла с верхней щели к нескольким круглым дыркам: ни штемпеля, ни адреса, ни имени на конверте не просматривалось.

Белый конверт сразу же заинтриговал Наталью: вкупе с потерянной собакой и молчащим телефоном все это выглядело довольно загадочно. А письма, даже не принадлежащие ей и покоящиеся в ящиках, на полпути от отправителя к получателю, с детства вызывали в ней священный трепет. Вот и теперь она не смогла противостоять этому трепету. Из кармана пальто была тотчас же извлечена шпилька, которую Наталья таскала с незапамятных времен фигурной прически «гуля учительская». Открывать ящики шпильками она научилась еще в детстве, когда лазила в бабушкин буфет за конфетами «Барбарис».

Воровато оглянувшись по сторонам, Наталья сунула шпильку в крохотное отверстие замка, открыла ящик и вытащила конверт.

Осмотрев конверт со всех сторон, Наталья сразу же нащупала какой-то длинный, скорее всего металлический предмет. Ей ничего не стоило отправить конверт обратно в ящик – и тогда вся ее жизнь вернулась бы в прежнюю колею: ни взлетов, ни падений, меланхоличные девчонки на работе, брюзжание старухи Ядвиги Брониславовны, брюзжание Нинон, набор кастрюль с полочки, выдергивание первых седых волосков перед зеркалом...

Ей ничего не стоило отправить конверт обратно в ящик, но она не сделала этого. Стрелка на перегоне шелкнула, и поезд ее жизни, громыхая стерильными пустыми вагонами, понесся в неизвестность.

Никогда в жизни Наталья не читала писем, адресованных другим людям. Но это письмо – на нем не было имени, и Наталья, поддавшись внезапному искушению, надорвала его. В ее ладонь тотчас же выскочил ключ с замысловатой бородкой. А в конверте оказался сложенный вдвое листок из блокнота. Настороженно прислушиваясь к звукам в подъезде, она развернула листок.

«Давно пора было это сделать, Дарья. Я был идиотом, я смотрел сквозь пальцы на все твои похождения, на все твои ночные отлучки и телефонные звонки черт знает откуда и черт знает когда. И эта твоя последняя выходка – по-моему, это подло, ты не находишь?»

А я нахожусь. Я нахожусь, что сыт по горло.

И запомни: я слишком серьезно отношусь к тебе, чтобы позволить вытирать о себя ноги. Ключ от твоей квартиры оставляю, он больше мне не понадобится. Прощай.

Денис».

...вытирать о себя ноги. Знакомый тезис. Именно его выдвинула в качестве краеугольного камня мироздания воинствующая феминистка Нинон. Но, похоже, это не только женская проблема. Вздыхнув, Наталья дочитала постскрипту:

«Уезжаю в Москву до десятого. У тебя будет время подумать. Если что-то решишь для себя – позвони».

Только теперь она почувствовала себя неловко, как будто подсмотрела в дверную щель сцену из чужой и не слишком счастливой супружеской жизни. Неизвестный ей Денис сообщал неизвестной ей Дарье о разрыве. И оставлял ключ от их отношений в почтовом ящике. Письмо не было рассчитано на широкий круг бесцеремонных свидетелей, но еще не поздно все исправить. Пойти на ближайшую почту, купить конверт и снова опустить его в почтовый ящик...

Наталья присела на ступеньки лестницы и неожиданно почувствовала приступ глухой неприязни к автору письма: оставить ключ от квартиры в сомнительной деревянной утробе, в предательском узком гробу – он действительно был идиотом. А если это письмо вытащила бы не она, Наталья, а какие-нибудь ушлые ребяташки, мастера поживиться за чужой счет? Заходите, друзья мои, и тащите из чужой квартиры все, что ваша душенька пожелает.

Не пойдет. Так не пойдет, господа хорошие.

Нужно подняться наверх и попытаться просунуть записку вместе с ключом под дверь. Самый разумный выход из создавшейся ситуации. И Наталья поплелась на шестой этаж.

Тума, все еще сидевшая на резиновом коврикe под дверью, встретила ее как старую, но не слишком близкую знакомую: меланхолическим постукиванием лап по полу. Если таинственный Денис не ошибся с номером почтового ящика, то у Тумы имеются в наличии не хозяйка, а хозяйка. И собака принадлежит такой же таинственной, оставшейся за кадром Дарье. И с вероятностью девяноста девяти процентов эта Дарья живет одна, уж слишком откровенен тон письма ее бойфренда. В противном случае он просто отдал бы ключ кому-нибудь из домашних Дарьи (матери, сестре, брату, сводному брату, внучатой племяннице, бабушке, страдающей артритом)... Сделав такие нехитрые выкладки, Наталья решительно сунула ключ в замочную скважину и повернула его. Дверь легко поддалась, и Тума, с радостным визгом проскочив у Натальи под ногами, бросилась в квартиру.

И тут же громко залаяла.

Что ж, сказав «а», нужно сказать и «б». Успокоенная этой нехитрой формулой, Наталья последовала за доберманхой. И закрыла за собой дверь.

...Стоя в чужой прихожей, Наталья деликатно кашлянула.

– Простите, ради бога... Но ваша собака... Она потерялась. И я привела ее... Я звонила...

Никакого колебания воздуха. Квартира молчала. Даже Тума, скрывшаяся в недрах комнат, не подавала признаков жизни. Наталья присела на краешек пуфика, стоявшего под зеркалом в дорогой, красного дерева, раме, и осмотрелась.

Живут же люди!

Это вам не коммунальный рай с корытами и лоханками, подвешенными на крюках к потолку. Прихожая тускло поблескивала деревом, отражаясь в отделанном под мрамор полу. Прямо против Натальи, в незакрытом шкафу, висели дубленка, шуба и длинный плащ на малиновой подкладке. Только на пуговицы от этих вещей, только на малиновую подкладку Наталье пришлось бы горбатиться несколько месяцев. Вот какая женщина была необходима Джаве!

Он неплохо бы смотрелся рядом с шубой и дубленкой и эффектно подносил бы зажигалку к дорогим сигаретам владелицы плаща. Стараясь не совершать лишних движений, Наталья скосила глаза вниз, на полочку для обуви: высокие сапоги с острыми носами, короткие сапоги с тупыми носами, ботинки на шнуровке – мечта рэпера из помоечного Бронкса, мягкие замшевые туфли, еще одни туфли, с квадратными каблуками и умопомрачительным количеством металлических пряжек, – филиал дорогого обувного магазина, да и только.

Вся эта вываленная в прихожей роскошь произвела на Наталью магическое впечатление. А последовавший за этим приступ острой женской зависти был так силен, что Наталья хмыкнула.

– Надо же, как выросло благосостояние советского народа!..

Она достала из конверта листок и с выражением прочла:

«Я был идиотом, я смотрел сквозь пальцы на все твои похождения, на все твои ночные отлучки и телефонные звонки черт знает откуда и черт знает когда». Действительно, ты был идиотом. . . Судя по прикиду, твоя подружка – крутая горизонталка, парень!..

Смелое предположение, если учесть, что на сленге приснопамятного журнальчика Нинон «Pussy cat», горизонталками назывались самые обыкновенные проститутки. Наталья очень долго не могла понять этимологию этого слова, пока Нинон не объяснила ей, что горизонталки – это женщины, которые зарабатывают на хлеб исключительно лежа в койке, в горизонтальном положении.

Ее голос, сразу же растворившийся в пустом пространстве квартиры, придал Наталье неожиданную уверенность. Если уж совершать безумные поступки – то надо идти до конца. И почему бы вообще не объявить сегодняшний вечер вечером безумных поступков?

Все еще не веря в собственный, так неожиданно проклюнувшийся авантюризм, Наталья закрыла входную дверь на цепочку (чтобы хозяйка, если она вдруг появится, дала ей время оправдаться) и сняла сапоги. Сапоги Наталья купила прошлой осенью за умопомрачительные по ее понятиям деньги, но теперь, рядом с роскошной обувью владелицы квартиры, они показались ей бедными провинциальными родственниками из недр Нечерноземья.

Подумав секунду, она облачилась в комнатные тапки (размер ноги совпал идеально!) и решительно направилась в сторону комнат.

Комнат было две, смежные, побольше и поменьше. Первая – побольше – служила кабинетом и гостиной; вторая – поменьше – спальней. Наталья решила оставить спальню на закуску и принялась за изучение кабинета.

Евростандарт, не иначе. Причем евростандарт, выполненный по индивидуальному проекту. Ничего лишнего, строгость и изысканная простота. Два высоких узких окна были затянуты жалюзи, но открыть жалюзи, чтобы рассмотреть пейзаж, Наталья так и не решилась.

Одна из несущих стен была сломана, и гостиная плавно перетекала в кухню, отгороженную от любопытных глаз длинной стойкой. У стойки стояло несколько круглых высоких стульев, и Наталья с трудом подавила в себе желание подойти к этому импровизированному бару и заказать себе двойной мартины со льдом (кажется, именно об этом напитке мечтают все кинодивы). Над стойкой в специальных гнездах висели бокалы (шик!); на стойке стояло несколько дорогих бутылок с дорогим пойлом (блеск!). А в нише рядом возвышался смахивающий на небоскреб холодильник с красно-синим видом Манхэттена на дверце (красота!).

Только теперь Наталья поняла, как голодна. Почему бы и не поужинать после трудов праведных? Тем более что вариант под условным названием «Бобик в гостях у Барбоса» выпал ей впервые в жизни.

Она хлопнула дверцей и тотчас же услышала за своей спиной прерывистое дыхание.

Тума.

Ну конечно же, как она могла забыть о собаке! И как она могла забыть, что именно Тума здесь второе лицо после хозяйки. Теперь она на своей территории и вполне может ухватить

непрощеную гостью за ляжку. В любом случае приличия должны быть соблюдены – даже если очень хочется забросить в клюв что-нибудь съедобное.

– Ты не возражаешь? – спросила Наталья, обернувшись к доберманихе.

Тума сидела перед Натальей, высунув огромный красный язык: она не возражала. Успокоенная вполне разумным поведением собаки, Наталья принялась шарить глазами по полкам холодильника.

Черная икра в жестяной коробке, палка окаменевшей сырокопченой колбасы, сыр «Рокфор» в целлофановой упаковке, несколько надорванных пакетов молока, яйца и фрукты в нижнем ящике. Сага о красивой жизни продолжается. Наталья взяла один из пакетов и понюхала его: молоко подкисло, а на пакете была выбита совершенно несъедобная дата – 3 февраля.

Вся остальная снедь не внушала никаких опасений, и, прихватив сырокопченую колбасу и «Рокфор», Наталья отправилась к маленькому разделочному столику, оцетинившемуся целым выводком ножей. Тума последовала за ней, поскуливая на ходу.

– Сейчас, девочка. – Наталья нарубила колбасу на внушительные куски, которые не имели ничего общего с изысками окружающей обстановки. Туме досталась аппетитная колбасная задница.

Большие эмалированные миски она нашла в одном из шкафчиков (странно, что они не стояли на каком-нибудь собачьем месте для еды – например, у батареи, возле которой вертелась Тума). В другом шкафчике обнаружился десятикилограммовый пакет с кормом. Заняв собаку едой и на ходу жуя колбасу, Наталья отправилась путешествовать по гостиной.

Стену, противоположную кухонной стойке, занимали узкие стеллажи с книгами и компакт-дисками: компакт-дисков было заметно больше, да и книги при ближайшем рассмотрении оказались специфическими – справочники по компьютерам и компьютерным программам на русском и английском языке. Отдельную полку занимали детективы в мягких обложках. Но своего обожаемого Воронова Наталья так и не нашла.

Зато нашла телефон – бежевый «Панасоник» с окошком автоответчика. Наталья сняла трубку и приложила ее к уху. Так и есть, тишина, как в склепе. И только проследив глазами за проводом, она поняла причину мертвой тишины в трубке: одна из клемм свободно болталась в открытом гнезде. Из-за этого телефон вполне мог работать через раз и принимать звонки по своему усмотрению. Наталья подправила крошечный винт ногтем, и звук в трубке моментально появился.

Хорошо. Очень хорошо.

Когда осмотр стеллажей был закончен, она переместилась к широкому письменному столу, на котором матово поблескивал компьютер. Серьезная девушка, ничего не скажешь. Серьезная девушка и серьезная машина. Даже у главы их фирмы, симпатичного сорокалетнего злодея Валентина Валентиновича Серова, не было такой машины.

К компьютеру были подсоединены принтер и сканер, а на столе, рядом с крошечным цветком кактуса, стояли две фотографии в рамках. И на одной из них была снята хорошенькая блондинка с дерзким высоким лбом и такими же дерзкими глазами. Что ж, нетрудно быть дерзкой, имея на плечах изнеженных соболей, а на ногах – сапоги по пятьсот долларов каждый. Наталья вдруг испытала к незнакомой ей блондинке классовую неприязнь. Кроме блондинки, на фотографии присутствовали уже знакомая ей доберманиха Тума и совершенно незнакомый молодой человек с ухоженной трехдневной щетиной на лице. Молодой человек был безмятежно красив. Настолько безмятежно, что с одинаковым успехом мог сниматься в костюмной мелодраме или рекламировать армейские кальсоны.

Наталья вздохнула: жаль, что у такой незаурядной блондинистой самочки оказался такой заурядный вкус. Но, судя по всему, это и есть участники эпистолярного конфликта – Дарья и Денис.

– Я бы тоже такого бросила, – задним числом одобрила поведение хозяйки квартиры Наталья. – Ничего хорошего в нем нет. Даже щетина какая-то... сомнительная... Ты как думаешь, Тума?

Доберманиха, сопровождавшая ее в экскурсии по комнате, коротко залаяла.

Вторая фотография была занятнее: кроме блондинки с первого снимка, на ней были изображены еще две девушки: блондинка и брюнетка. Почти одинаковая красота с разными оттенками. Вот только у одной из них через всю правую щеку шла странная полоса: то ли нанесенный тушью каббалистический знак, то ли татуировка. Девушки обнимали друг друга за плечи и улыбались: трогательное единение изысканных паучих в банке.

На журнальный столик были небрежно брошены проспекты, сплошь на английском и французском. Париж, Французская Ривьера, Монте-Карло, государства-карлики в аппендиксе Европы... Такими же проспектами было забито и их турагентство.

Следующими номерами программы шли музыкальный центр «Technics» (он же – домашний кинотеатр) и огромный плоский телевизор «SONY», парящий над ослепительно-белой стеной. Под телевизором, у самого основания кронштейна, прикорнул видеомэгафон. Хорошая сотня кассет валялась прямо на полу, но их названия так ничего и не сказали о кинематографических вкусах хозяйки. Казалось, что все они были закуплены оптом на какой-нибудь дешевой распродаже: боевики, мелодрамы, несколько глупейших американских комедий, которые сама Наталья ни за что не стала бы смотреть.

– Веселые вы ребята, как я посмотрю. Тупой и еще тупее.

Всеядность хозяйки была изобличена полностью, когда Наталья выудила из общей кучи несколько порнокассет с многообещающими названиями: «Мойка машин», «Принцесса и путана», «Плоть» и «Санкт-петербургские девочки».

Тума протрусилась мимо нее, громко цокая когтями по навощенному паркету. И привычно устроилась в кожаном кресле. У кресла валялся ярко-рыжий рюкзак, но Наталье было сейчас не до рюкзака: ее ждали спальня и ванная.

...Спальня потрясла воображение Натальи и проняла ее до седалищного нерва. Никаких конфиденциально-строгих жалюзи, только тяжелые гобеленовые шторы на окнах; будуарчик, в чреве которого тускло поблескивали баночки, коробочки и флаконы; встроенный в стену зеркальный шкаф. Зеркальным же был и потолок.

И кровать.

Кровать, прямиком перекочевавшая сюда с обложки порнофильма «Принцесса и путана», – двух-, трех-, четырехспальный монстр. На монстра было наброшено черное покрывало, а к его изголовью прилепились крошечные белые подушки: каждая представляла собой удачно стилизованного представителя морской фауны. Скаты, звезды, креветки и коньки, не считая пары рыбьих тушек. На кровать было небрежно брошено платье, источавшее тонкий аромат духов.

Удержаться было невозможно.

Воровато оглядываясь на дверь, Наталья сбросила с себя никчемный секретарский костюмчик и, как змея, вползла в это удивительное, божественное, головокружительное платье.

И закрыла глаза.

Да, к этому ощущению нужно привыкнуть. Да.

Платье завоевало Наталью сразу же – на ее памяти только Джаве удалось уложиться в такие короткие сроки. Оно облепило фигуру, отравляя ядом запретных желаний каждый сантиметр кожи, оно накрыло Наталью своим легким невесомым телом и заставило учащенно биться сердце. Зажмурившись, Наталья подошла к зеркальным створкам шкафа.

Ого! Оказывается, я могу быть довольно симпатичной. И еще какой симпатичной – во всяком случае, общий абрис впечатляет. Дорогая одежда украсит любую женщину, ничего не скажешь.

Наталья с трудом заставила себя отойти от зеркала, но расстаться с платьем сейчас, сию минуту и снова влезть в лягушачью шкурку своего собственного костюма было выше ее сил. Роскошная ткань нашептывала на ухо всякие глупости, едва уловимый аромат духов кружил голову – действительно, почему бы не выпить горячительного с апельсиновым соком, душа моя?..

Стреноженная платьем, полностью подчинившаяся ему, Наталья вышла в гостиную и в задумчивости остановилась перед батареей алкогольных этикеток.

Бренди, виски, несколько начатых бутылок красного и белого вина, джин и водка. «Действуй! Но только не будь харыпкой!» – подтолкнуло ее платье, и Наталья остановилась на немного женственном мартини. Прихватив бокал, она снова вернулась в спальню: за зеркальной поверхностью шкафа должно таиться еще немало чудес.

Действительность превзошла все ее ожидания. Шкаф оказался под самую завязку набит дорогими тряпками – братская могила женских вождедений, да и только. Голос разума, так долго ведший Наталью по жизни, был забыт окончательно.

Она не знала, сколько времени прошло – час, два, три... Да и какое это имело значение, если ее ждали костюмы и вечерние платья, блузы, свитера, джинсы на болтах и комбинезоны-унисекс, пиджаки для деловых встреч, белье для встреч романтических. Боже мой, боже мой, любая из этих шмоток произвела бы фурор в их конторе. Жаль, что она никогда не сможет воспользоваться этим чужим великолепием... Жаль.

А, собственно, почему жаль?

Мысль, возникшая в ее затуманенном мозгу, поначалу показалась ей крамольной. Но только поначалу. Наталья прилегла на краешек кровати, подложила под голову «морскую звезду» и принялась рассуждать.

Итак.

Она нашла собаку. Она спасла ее. И имеет право на скромное вознаграждение. Вряд ли хозяйка хотела избавиться от доберманихи – к чему тогда оставлять ошейник с адресом и телефоном. Значит, Тума просто потерялась. Ее должны искать. Может быть, ее даже сейчас ищут. И не исключено, что хозяйка появится в квартире с минуты на минуту.

Наталью бросило в пот.

Хозяйка появится с минуты на минуту и увидит в своей квартире совершенно постороннего человека, который к тому же рылся в ее вещах и совал нос в бутылки. И слопал ее сырокопченую колбасу!.. Но все это можно оправдать стечением обстоятельств: она не дозвонила по телефону, который был отключен.

Кстати, о телефоне.

С сожалением расставшись с платьем и перекочевав в кургузый костюмчик, Наталья подошла к еще одному телефонному аппарату, стоявшему у изголовья кровати. И аккуратно сняла трубку. Этот был не отключен и абсолютно исправен. Чтобы окончательно удостовериться в этом, Наталья набрала номер Нинон.

– Ты знаешь, который час, убийца? – Голос Нинон дышал праведным гневом. Судя по всему, маленькая ночная серенада сорвалась.

– Который?

– Начало двенадцатого.

Ну надо же! Она провела в чужой квартире около трех часов и даже не заметила этого.

– С каких это пор ты переквалифицировалась в жаворонки? – спросила Наталья и тотчас же прикусила язык. Пора бы запомнить, что после неудачных любовных свиданий Нинон укладывается спать в детское время, а перед этим сжирает все, что есть в холодильнике. Именно так она справляется с депрессиями.

– Облом? – Немного сочувствия не помешает.

– Проявляешь чудеса проницательности, – с готовностью ответила Нинон.

- Кто это был?
- Какая разница? Один театральный режиссер. Очень известный. Редкостный козел.
- Он не любит рубенсовские формы?
- Как оказалось.
- Пора садиться на диету, Нинон.
- Ты же знаешь... Моя фигура – за гранью добра и зла. Понятие «диета» к ней неприменимо. А что собачка?
- Все в порядке.
- Отдала с рук на руки?
- В некотором роде. Я попала в довольно странную ситуацию, Нинон.
- Вот как? – Нинон сразу же оживилась: она обожала интересные ситуации. – И какую же?
- Не по телефону. Мы можем завтра увидеться?

Нинон засопела в трубку, соображая.

– Так. Завтра с утра у меня беготня, в обед – пресс-конференция с Розенбаумом... – Эстетка Нинон обожала Розенбаума и считала его эталоном настоящего мужчины. В ее классификации он проходил под кодовой кличкой «сатрап-сексапил».

– Что, «Житейские воззрения кота Мурра»⁵? Он еще не всем поделился с журналистской общественностью? – не удержалась от шпильки Наталья.

– Не всем. – Нинон вовсе не была склонна шутить на подобные темы. – Вот что. Подгребай к шести в редакцию, ходим куда-нибудь, поужинаем.

– Отлично. Тогда до завтра.

Наталья положила трубку. Разговор с Нинон, такой будничным, отвлек ее от странной квартиры и ее странной обитательницы. Теперь, когда она осталась одна, вопросов было гораздо больше, чем ответов: они дышали ей в затылок и заглядывали в глаза. Они обступали ее со всех сторон. Вот только сформулировать их Наталья так и не успела: резкий телефонный звонок заставил ее вздрогнуть.

Вор, застигнутый на месте преступления.

Она и есть вор, застигнутый на месте преступления. Но главное – не поддаваться искушению и не снять трубку. Квартира пуста, в ней никого нет. Никого. Присмирившая Тума не в счет.

И в ту же секунду в гостиной раздался женский голос.

Наталья вскрикнула, зажала рот рукой и только чуть позже сообразила: автоответчик. Автоответчик телефона в гостиной, который она недавно подключила.

«Квартира Литвиновой. Извините, но нас нет дома. Оставьте свое сообщение после длинного сигнала. Вам перезвонят».

Тума, до этого спокойно лежавшая в кресле, услышав невесть откуда идущий голос, заметалась по комнате, визжа и подскуливая. Должно быть, признала хозяйку. Да, черт возьми, преданные существа собаки. Отзвук отзвука, эхо эха способны заставить их потерять рассудок.

Чтобы лучше слышать тронную речь, Наталья склонилась над телефоном. Звонила женщина, скорее всего – подруга. И может быть, такая же толстая и разбитная, как Нинон.

– Дарья, это я. К тебе не пробиться. Проклинаю вдогонку. Приедешь из своей обожаемой Ниццы – и сразу же получишь втык. Надеюсь, я не единственная оскорбленная. Учти на будущее, зажимать отвальную – дурной тон. Надеюсь, ты привезешь что обещала. Целую, твоя Ленусик.

«Твоя Ленусик» отключилась, а Наталья, чтобы хоть как-то успокоить перевозбужденную доберманиху, насыпала в миску корм из пакета. Собака сразу же переключилась на еду, а Наталья молодецки плюхнулась в кресло и прикрыла глаза.

⁵ Роман Э.-Т. Гофмана.

Теперь все ясно. Все стало на свои места.

Во-первых, хозяйку зовут не просто Дарья, а Дарья Литвинова. Во-вторых, она укатила в Ниццу, и, возможно, по какому-нибудь туру. Туры бывают недельные, двухнедельные и десятидневные. Сегодня восьмое, а на пакете молока....

На пакете молока стояла дата – третье февраля.

Ура!..

В любом случае со времени отъезда прошло всего лишь пять дней, хозяйка наслаждается красотами Ниццы – счастливица! – и вряд ли вернется оттуда раньше чем послезавтра. При всех раскладах. Да и стоит ли ехать во Францию на три дня?..

Наталья обвела взглядом шикарную обстановку и вздохнула. Женщина, которая работала на такую обстановку, может позволить себе завтракать в Ницце, а ужинать в Сиднее – с учетом часовых поясов, разумеется.

– Тума! – позвала она доберманиху. – Тума, иди сюда.

Собака, с космической скоростью умявшая корм, подошла к Наталье и с готовностью ткнула головой ей в колени.

– Хоть бы ты рассказала мне о своей хозяйке. Но ведь из тебя и слова не вытянешь, правда?..

Почесав у Тумы за ухом, Наталья воспрянула духом. Собака – вот ее алиби, вот ее индульгенция, вот ответ на все вопросы. Она не сделала ничего предосудительного, она привела собаку к родному очагу, она накормила ее. И в принципе, она готова следить за ней, пока хозяйка не вернется из поездки. Все правильно, все стройно, ни сучка ни задоринки, ни бугорка ни впадинки. И в то же время странное чувство не покидало Наталью: именно Тума никак не вписывалась в скоропалительный отъезд Дарьи Литвиновой. Что, если бы у нее самой была собака (фантастика!)? И у нее самой намечалась бы поездка во Францию (фантастика в кубе!)? И тем не менее почему бы не предположить?..

«Я собираюсь лететь в Ниццу, но накануне пропадает (убегает, удирает) моя любимая собака. Я звоню во все колокола, поднимаю на ноги друзей и знакомых, плачусь в жилетку бойфренду. И надеюсь на то, что кто-то подберет ее и прочтет адрес на ошейнике. Надеюсь, надеюсь, надеюсь...»

Но Ницца! Бухта Ангелов, Boulevard de l'Impératrice⁶, Английская набережная, праздник цветов, Музей Шагала, хотя это и не самый любимый мой художник... Недельный тур от двухсот девяноста восьми у.е. Если это, конечно, двухзвездочный Du Centre – телефон, кабельное телевидение, 10 минут до моря, шведский стол... Такие туры у нас в агентстве улетают моментально. Но вряд ли Дарья Литвинова будет довольствоваться двухзвездочным отелем.

Negresco-люкс, вот что ей подойдет. Частный гараж, сейф в номере, мини-бар, фен, кондиционер...

От всего этого великолепия невозможно отказаться».

Наталья снова плеснула себе мартини в бокал.

А она и не отказалась, эта Дарья Литвинова. Укатила в Ниццу, а поиски собаки поручила бойфренду Денису. И возможно, укатила не одна, иначе Наталья никогда бы не нашла ключ в почтовом ящике – как бесплатное приложение к разрыву отношений. Как там было сказано – «и эта последняя твоя выходка – по-моему, это подло, ты не находишь?»...

А что, если она действительно укатила не одна? А с каким-нибудь преуспевающим бизнесменом, владельцем заводов, газет, пароходов? Мощная фигура, скромному страдальцу Денису за таким не угнаться, даже с его трехдневной щетиной. Вполне-вполне. Вполне подпадает под определение «подлая выходка». И тогда оскорбленный мальчик, вместо того чтобы искать собаку, оставляет ключ в почтовом ящике.

⁶ Бульвар Императрицы (*фр.*).

Чаша терпения переполнилась, что и требовалось доказать.

А может, все было совсем не так? Она уехала и поручила собаку кому-нибудь из подруг. И подруга забрала ее к себе на время, потому-то и не было мисок у батареи, к которой так резво рванула доберманеха. А подруга – или друг (быть может, тот самый бойфренд!) не справились с управлением, и своенравная собака просто сбежала от них во время прогулки. Такие вещи случаются сплошь и рядом. И такие вещи все объясняют.

В этом случае бойфренд отпадает окончательно. Тем более что она не знает даже, когда было написано письмо. Есть только дата возвращения – десятого. Решился на мелкий шантаж перед отъездом и дал время подумать... Не стоит возвращаться к нему, Дарья Литвинова...

...Кресло больше не устраивало подвыпившую Наталью, и она устроилась на ковре. И прикрыла глаза, покачиваясь в мягких волнах мартини. Но долго это блаженное состояние не продлилось: Тума занервничала и принялась бегать – к дверям и обратно к Наталье; холодный нос совершенно недвусмысленно тыкался в Натальин подбородок.

– Гулять, что ли, собака? – нехотя спросила Наталья.

Собака коротко рыкнула и снова метнулась к двери.

– Гулять, черт бы тебя побрал...

Наталья с сожалением отставила бокал и поднялась: собака будет последним существом, которое она поселит на своих двадцати метрах. Строгий распорядок, никакой личной жизни и полная зависимость от четвероногого друга, будь он неладен!..

В прихожей она с трудом подавила в себе желание тут же натянуть умопомрачительную чужую дубленку: скромнее нужно быть, Наталья Ивановна, скромнее.

Уже надев пальто и натянув сапоги, она внимательно осмотрела внутренности шкафа и прилегающее к нему пространство: странно, но поводка не было. И намордника не было тоже. Что ж, ее версия о том, что собака была поручена на время отъезда кому-то еще, находила свое полное подтверждение. Ну, поводок – это не проблема. На первое время сойдет и ее ремень от сумки...

И теперь самое главное – не забыть ключ от чужой жизни. И желательно никого не встретить по дороге. Никого из знакомых Дарьи Литвиновой. Иначе дурацких разговоров не оберешься...

В подъезде было тихо. Ни одна дверь не приоткрылась, ни одна любопытная физиономия не выглянула на площадку. И наконец-то заработал лифт.

Должно быть, кроме представителей высшего света, здесь проживают еще и законопослушные граждане, рабочие и служащие оборонных предприятий. Встают рано, ложатся рано, не любопытны и не ходят друг к другу в гости с фаршированной щукой, домашним квасом и пирогом «Утопленник».

Пока Тума, ни на секунду не выпуская неожиданную покровительницу из поля зрения, обстрипывала свои делишки, Наталье пришло в голову сразу несколько любопытных мыслей. Не мешало бы прослушать подключенный автоответчик полностью – это во-первых; не мешало бы связаться с кем-нибудь из знакомых Литвиновой, есть же у нее записные книжки, – это во-вторых: не вечно же ей торчать в чужой квартире и бороться с искушениями почище искушений святого Антония.

И в-третьих... Почему бы ей здесь не остаться?

Именно эта авантюрная мыслишка как червь глодала ее все последние часы. И дело было даже не только – и не столько – в доберманехе. Дело было в *самой квартире*. В соболях в прихожей, в телевизоре, в платье, так небрежно брошенном на кровать, в батарее дорогих бутылок с дорогим пойлом. Одна мысль о том, что ей придется вернуться в постылую коммуналку, к Ядвиге, Бувакиным и целому выводку Бедусей, – одна лишь мысль об этом сводила ее с ума.

Снег беспечно поскрипывал под ногами, в домах еще горели поздние пряничные огни, а в квартире на шестом этаже ее ждали мартини, остатки «Рокфора» и тяжелые шторы в спальне.

– Нет, – сказала она себе и сжала кулаки. – Нет. Ты не имеешь права. Это вторжение. Незаконное вторжение. Карается законом. Сейчас ты заберешь собаку, возьмешь такси и отправишься к себе на Петроградку, Наталья Ивановна. Ты поняла меня?

Наталья села в сугроб и потеряла снегом разгоряченные щеки.

– Граждане судьи! Я просто спасала собачью душу – кто же меня осудит, кто бросит в меня камень? Вы знаете все обстоятельства дела. Вы знаете, что возвращаться с собакой по месту прописки – нереально, а оставить ее без присмотра – нереально вдвойне...

К ночи мороз заметно усилился; Тума поочередно поджимала лапы и просительно смотрела на Наталью: пора возвращаться, моя дорогая.

Действительно, пора возвращаться.

Они вернулись в квартиру – и снова никого не встретили в подъезде. Тума, не дожидаясь, пока Наталья разделется, лапой толкнула дверь в ванную: привычка – вторая натура, особенно у собак. Наталья последовала за ней.

Ванная комната встретила ее сверкающим кафелем и зеркалами, махровыми полотенцами и халатами – мужским и женским. Тума уже стояла в ванне, нетерпеливо перебирая лапами.

Наталье понадобилось несколько минут, чтобы сообразить, что к чему. Оранжевая резиновая рукавица, так же как и шампунь с яростным и устрашающим названием – «АНТИБЛОХИН», по всей видимости, предназначались для мытья собаки. Наталья включила воду, перевела ее на душ и принялась осторожно намывать шерсть Тумы пресловутым «Антиблохином», растирая его рукавицей.

Тума оказалась паинькой: она не дергалась и не скулила; похоже, ей вообще нравилось мыться, да и само времяпровождение в ванной выглядело неким ритуалом. Закончив омовение, Наталья насухо вытерла собаку одним из полотенец (вы уж простите, хозяйка, если это любимое полотенце вашего приятеля!). Рыжие подпалины Тумы заблестели, и Наталья впервые подумала о том, что собака, оказывается, по-настоящему красива.

Сфинкс, римская волчица, Лура... Эх, куда ее занесло! Кажется, Лура – совсем из другой оперы.

Наталья вспомнила свою собственную ванную на Петроградке – огромную, выкрашенную в унылую охру комнату. Потолок ванной слегка опустился под натиском протечек, а само грандиозное чугунное корыто пожелтело от времени. И все это пролетарское великолепие освещалось стоваттной лампочкой без абажура. По запыленной проводке бродили тараканы, корыто прикрывала целомудренно-заплесневелая занавеска, а стена напротив была увешана деревянными поддонами: все обитатели квартиры брезговали мыться в общей ванне и использовали ее только в качестве душевой кабинки. Все, кроме старухи Ядвиги Брониславовны...

И вот теперь – ослепительный кафель, шикарная шведско-немецко-французская начинка. Полный комплект. Отпад.

Подарок судьбы, который грех не использовать.

Наталья присела на краешек ванны и принялась рассматривать флаконы с шампунями, бальзамами, кондиционерами, солью и пеной для ванн. На полке перед длинным (во всю длину ванны) зеркалом она насчитала две зубные щетки, два бритвенных станка (дорогой мужской и очень дорогой женский). И одну резиновую игрушку. Что ж, хозяйка квартиры не лишена здоровой сентиментальности, можно не опасаться уголовного преследования с ее стороны.

Тщательно вымыв ванну и отправив остатки собачьих жестких волос в воронку, Наталья напустила воды и ухнула туда все, что было под рукой, – пену, соль и резиновую игрушку. Уточку с печальным носом актрисы Барбры Стрейзанд.

Чего-то не хватает.

Да. Музыка и мартини.

Чтобы сходство с лучшими образцами голливудской романтической комедии было полным.

Спустя пять минут Наталья уже нежилась в пене и потягивала мартини. Жаль, что такая жизнь уготована только обворожительным высокооплачиваемым блондинкам. А неудачницы-шатенки лишены и сотой доли удовольствий.

Она намылила голову и показала язык своему отражению: «Калиф на час, любезнейшая Наталья Ивановна, калиф на час...»

Зато какой час!..

Интересно, почему в стаканчике торчат две щетки? Одна – понятно, убитый горем Денис специально оставил ее, чтобы был повод вернуться после приезда. Он оставил зубную щетку на полке, халат на вешалке, и не исключено, что еще несколько жизненно необходимых мелочей – любимые трусы, любимую футболку, любимую бейсболку, любимую книжку «Праздник, который всегда с тобой» и любимую ручку.

Наталья отогнала от себя пену.

А вторая зубная щетка – наверняка она принадлежит хозяйке.

Но почему Дарья не взяла ее в поездку?.. Чистить зубы нужно даже в Ницце, даже в пятизвездочных отелях. А впрочем, она – не ты. Ты свою зубную щетку не меняла два года, дождешься, пока вся щетина вылезет. А она... Она купит себе новую щетку. В аэропорту Орли. Или в аэропорту Ле Бурже. Или в аэропорту Шарль де Голль.

Наталья придирчиво перебрала ополаскиватели и только теперь заметила затесавшиеся в общую кучу флаконы краски для волос. И тихонько засмеялась.

Никакая ты не блондинка, голубушка. Скорее наоборот, такая же шатенка, как и я. И пристально следишь, чтобы, не дай бог, не поперли темные корни. Темные корни – смертный приговор такой красотке, как ты. А жена Цезаря должна быть вне подозрений.

Наталья покрасилась только раз в жизни, в шадящий каштановый. Нельзя сказать, чтобы этот цвет особенно ей шел, но ощущение новизны запомнилось. Вот и теперь, глядя на дорогую краску, она вдруг подумала: почему бы не повторить это ощущение? Почему бы не пойти на поводу у этой стильной надменной квартиры, почему бы не удивить Нинон завтра в шесть...

Почему бы и нет?..

На рукотворные превращения ушло добрых полтора часа. За это время Наталья допила мартини, покормила Туму и два раза прослушала компакт-диск «Эдуард Артемьев. Музыка к кинофильмам. «Солярис». «Сталкер». «Зеркало»⁷. И изучила всю косметику в будуарчике у кровати.

Нинон упала бы в обморок. Вся эта груда тяжелого женского вооружения потянула бы на тысячу долларов, не меньше. Сплошная Франция, никаких «made in China», никаких инсинуаций парфюмерного комбината «Невская заря». Возле полки с косметикой Наталья несколько раз успела умереть и возродиться – уже в новом качестве, со светлыми, отливающими платиной волосами.

– Ну, как тебе? – спросила она у вертящейся тут же доберманихи. – По-моему, неплохо. Тума раскрыла пасть и зевнула.

– Ты права. Пора спать....

8 февраля. Леля

Вот уже битый час старший следователь Леля и Саня Гусалов торчали у патологоанатома Скориченко. Патологоанатом и оперативник сосали пиво, Леля же ограничился скромным джин-тоником. Прямо перед ними, на холодном прозекторском столе, лежало тело всемогущего банкира Германа Радзивилла. Если верить Скориченко, смерть Радзивилла наступила

⁷ Фильмы Андрея Тарковского.

около четырех суток назад в результате проникающего ранения в глазное яблоко, нанесенного острым предметом. Предмет, пробив все на своем пути, вошел в мозг. Дать более развернутую характеристику острому предмету Скориченко не решился.

– Значит, не пуля? – в который раз безнадежно спросил эксперта Леля. – А что тогда?

– Возможно, стилет. Возможно, специально заточенное шило. Возможно, что-то еще. С таким способом убийства, если честно, я сталкиваюсь впервые. Чертовщина какая-то...

Невозмутимый Скориченко только озвучил Лелины мысли. Всем им было бы куда спокойнее, если бы все ограничилось нападением возле офиса и контрольным выстрелом в голову.

– Ну-с, а что скажете о внутренностях покойного, доктор?

– Да что тут говорить? За несколько часов до смерти потерпевший плотно поел. В желудке – непереваренные остатки пищи...

– Какой именно? – вклинился Саня Гусалов.

– Вам подать меню, господа?

– Не мешало бы. – Гусалов обожал поболтать на гастрономические темы. – По меню установим ресторан. И привлечем шеф-повара как заказчика. И главного фигуранта по делу.

– Не стоит, – оборвал Гусалова Леля. – Любимый ресторан Радзивилла мы уже установили. «Дикие гуси». Повар вне подозрений. Радзивилл действительно ужинал там вечером третьего февраля. Около двадцати часов. С дамой. Шикарная блондинка, по утверждению ресторанной obsługi.

– А жене надудел, что срочные дела в конторе. – Гусалов подмигнул следователю и повел подбородком в сторону трупа. – Видишь, что бывает с людьми, которые обманывают супругу. Учти это, когда будешь жениться, Петрович!

– Учту.

– А куда, интересно, смотрела охрана?

– Телохранитель был отпущен. Более того, в аэропорт утром четвертого Радзивилл тоже собирался отправиться без сопровождения.

– Ну и охраннички пошли! – Старый поклонник фильма «Телохранитель», Саня Гусалов удивленно поднял брови. – У семи нянек дитя без глазу...

На секунду он замолк, ощупал взглядом лицо мертвого Радзивилла и расхохотался:

– Вы уж простите за каламбур, товарищи. А личность дамы установлена?

– Нет. Какая уж тут личность, если Радзивилл менял женщин как перчатки... И предпочитал блондинок.

– Ну, это не криминал. У меня, например, перчатки уже пять лет. А «джентльмены предпочитают блондинок», это и ежу понятно.

Леля пропустил ехидное замечание Гусалова мимо ушей.

– Ежу понятно, а мне непонятно. Зачем Радзивилл отпустил охрану? Решил ехать в аэропорт сам, без почетного эскорта?

– Может, хотел с блондинкой напоследок покувыркаться, – высказал предположение Саня. – На разделочном столе, среди омаров и брюквы под соусом?

– И она была не первая, кто посещал с ним этот ресторан. Метрдотель намекнул мне, что число радзивилловских гейш перевалило за два десятка.

– Интересно, куда только жена смотрела? – заметил патологоанатом Скориченко.

С женой Радзивилла, Эммой Александровной, Леля расстался два часа назад, и вспомнить об этой встрече ему не хотелось. Во-первых, Эмма Александровна была жгучей брюнеткой с едва заметными, но вполне оформившимися кавалерийскими усиками. Во-вторых, приехала она не одна, а в сопровождении ручной игуаны и такого же ручного молодого человека, личного шофера и психоаналитика в первом приближении. А Леля терпеть не мог ни ящериц, ни гуттаперчевых мальчиков при состоятельных дамах.

Эмма Александровна холодно опознала мужа и так же холодно спросила, когда она сможет забрать тело.

– Вы, я смотрю, не особенно переживаете, – не удержался от замечания Леля.

– Наши отношения были из рук вон. Об этом все знают. – Эмма Александровна почесала морщинистую шею игуаны. – Так что глупо изображать из себя безутешную вдову.

– И тем не менее вы жили вместе и были в курсе его дел. Значит, он позвонил вам вечером третьего и сообщил, что переночует в городской квартире. Что он собирался делать в Париже?

– Герман не посвящал меня в свои дела. Возможно, он летел туда по коммерческим делам.

– Если верить секретарше покойного, это был частный визит, – уколол Радзивиллиху Леля.

– Возможно. Наш сын учится в Сорбонне. Он сказал, что заедет к Адаму.

– Заедет к Адаму?

– Так зовут нашего сына.

Леля перевел взгляд на спутника Эммы Александровны; судя по всему, этот жалкий тип – ровесник сына Радзивиллов. Вот она, жизнь, юдоль скорбей: один учится в Сорбонне, а другой удовлетворяет прихоти Венеры в климаксе.

– Он позвонил вам...

– Да. Он позвонил мне и сообщил, что улетает в Париж. Собирался встретиться с Адасем.

– Ваш сын знал о приезде отца?

– Понятия не имею. Возможно, Герман сообщил ему о приезде.

– И он не позвонил, когда встреча с отцом не состоялась?

– Адашь вообще редко звонит. – Никакого сожаления в голосе Эммы Александровны не было, одна лишь холодная констатация. Веселая семейка, ничего не скажешь!

– У вашего мужа были враги?

– Как и у любого, кто занимается крупным бизнесом. Праздный вопрос, господин... – Эмма Александровна посмотрела на Лелю.

– Леонид Петрович... – свою злополучную фамилию Леля решил опустить.

– Праздный вопрос, Леонид Петрович. Но на него никто никогда не покушался... В любом случае они выбрали странный способ.

– Вы полагаете?

– Мне казалось, что заказные преступления выглядят совсем иначе.

Иначе. Это точно. Он и сам сказал об этом Сане Гусалову на Долгоозерной.

– Я смотрю, вы разбираетесь в заказных преступлениях.

– Любая кухарка в них разбирается, – процедила Эмма Александровна. – И любой зоотехник. Так же как и в политике, экономике и разведении кроликов. Тлетворное влияние телевидения, знаете ли, Леонид Петрович.

– Понятно. А сами вы что думаете?

Эмма Александровна развела руками: что тут думать, когда от правого мужнина глаза остались одни воспоминания.

– Вы постоянно живете за городом?

– Да. Рядом с Павловском. Это ближний пригород, так что никаких проблем с транспортным сообщением...

– Но в городе у вас тоже есть квартира.

– На Ланском шоссе. – Она поморщилась: стоит ли спрашивать, когда все и так известно. – Но там я почти не бываю. Муж остается довольно часто, центральный офис его банка недалеко, в районе Карповки.

– Кто-нибудь, кроме вас и мужа, живет там?

– Его двоюродная сестра, Агнешка. Семь лет назад он выписал ее из Трускавца. – Усы Эммы Александровны презрительно выгнулись, прозрачно намекая на непристойную кровосмесительную связь кузенов. – Она и следит за домом.

Уж не поэтому ли ты съехала в Павловск на вечное поселение?

И потом – Ланское шоссе. Совсем рядом улица Савушкина, с которой была угнана машина с трупом Радзивилла. Это, конечно, ничего не значит. И подозревать вдову в причастности к смерти банкира нелепо, если, конечно, у нее не было своих интересов в этом деле.

– Во сколько примерно оценивается состояние Радзивилла? – спросил Леля.

Эмма Александровна вспыхнула, а ее крохотные усики возмущенно приподнялись.

– Почему вы меня об этом спрашиваете?

– Я обязан спросить вас об этом.

– Мне кажется, сейчас это не совсем уместно...

Вдова поняла, что сказала глупость, и осеклась. Ее холодность и полная безучастность к смерти мужа оправдывали любые вопросы следствия. С таким же успехом и с такой же отстраненностью Леля мог бы спросить ее о состоянии Крупнов накануне Второй мировой войны.

– И все-таки?

– Я никогда не вникала в финансовые дела мужа. Но, как вы сами понимаете, он был далеко не бедным человеком. Вы можете навести справки в его банке.

Ты еще скажи – в налоговой инспекции!..

– Он давал вам большие суммы, Эмма Александровна? – напрямик спросил Леля.

Конечно, давал. И ей самой, и ящерице, и молодому человеку, здесь двух мнений быть не может. Эмма Александровна Радзивилл числилась на туманной должности эксперта в одном из издательств научно-популярной литературы с фиксированным окладом в тысячу семьсот пятьдесят рублей. Этих денег не хватит даже на мотыль для игуаны.

– У нас были довольно сложные отношения... Но он действительно ежемесячно выдавал мне определенную сумму. Весьма скромную, поверьте мне, – тщательно подбирая слова, сказала вдова, хотя бриллианты в ее ушах говорили об обратном.

– А в случае его смерти? Наверняка он оставил завещание.

– Мне ничего не известно о завещании, – отрезала Эмма Александровна.

– Хорошо. Поговорим о другом. Вы сказали, что у вас были довольно сложные отношения. Что это значит?

– А вы как думаете? Отказал в услугах Вере Игнатьевне, нашей старой домработнице, и взял эту потаскуху Агнешку, свою, видите ли, двоюродную сестру... Герман всегда был бабником. Ни одной юбки не пропустил. Во всех конкурсах заседал, где девки задами трясут...

– В каких конкурсах?

– Сами знаете... Мисс Город, мисс Область, мисс Район, мисс Атомная Станция. А потом в койку их тянул. При живой жене.

И когда только успевал, с почтением подумал Леля. При всей его занятости, при всех его биржевых играх, при всех его дочерних предприятиях. И при всех угрозах кризиса, девальвации, банкротства и чиновничьего произвола... И при двоюродной сестре из Трускавца.

Завидная эрекция.

– Вы именно поэтому перебрались в загородный дом?

– Отчасти, – уклонилась от прямого ответа Эмма Александровна. – Мне было наплевать на его похождения. Но Адашь... Адашь не должен был всего этого видеть. Распутства отца... Вы понимаете, Леонид Петрович?.. Когда-нибудь это кончилось бы весьма печально.

– Печально?

– Ну да. Они стали бы делиться шлюхами, обмениваться ими... Перебрасывать друг другу, перекладывать из кровати в кровать. Отвратительно!..

Беседа с Эммой Александровной практически ничего не добавила к светлому образу Германа Радзивилла. Если не считать того, что покойный был весьма невосдержан по части женщин. Но – опосредованно – то же самое ему сообщил и метрдотель из ресторана «Дикие гуси». Вся колода дам не особенно интересовала Лелю. Блондинистая визави – вот кого стоило найти. Не исключено, что она не только была последней, кто обедал с Радзивиллом. Она могла быть последней, кто видел его в живых. Если верить показаниям метрдотеля и официантов, Радзивилл и его спутница вместе покинули ресторан в 21.45. У Радзивилла был с собой небольшой кожаный «дипломат». Дама вообще пришла налегке – небольшая сумочка, в которой и лезвия для безопасной бритвы не спрячешь. Она уже ждала Радзивилла в ресторане, это подтверждают официанты. Дама прибыла за десять минут до появления Радзивилла в «Диких гусях». Она заказала бокал вина и бутылку минеральной. И не выказывала никаких признаков беспокойства.

Чего не скажешь о самом Радзивилле. По утверждению телохранителя, он на четверть часа задержался в головном здании банка и всю дорогу до «Диких гусей» смотрел на часы. У телохранителя сложилось впечатление, что Радзивилл опаздывает на важную деловую встречу.

Когда они прибыли в ресторан, Радзивилл сразу же успокоился. Он отпустил телохранителя у входа. Должно быть, у Радзивилла были странные представления о личной охране.

– Вы приехали в ресторан на «Ниссане»? – спросил Леля у телохранителя.

– Нет. У Германа Юлиановича две машины – «Ниссан» и «Вольво» последней модели. «Вольво» пользуется жена. И служебный «Мерседес». Мы приехали в ресторан именно на нем.

– И хозяин отпустил вас?

Телохранитель поморщился: судя по всему, он не выносил слова «хозяин» и вообще не был похож на охранника в классическом его понимании. Скорее на выпускника престижного университета. Очки в дорогой оправе и хорошо сшитый костюм, под которым не было и намека на мало-мальски развитые мышцы. Хотя... кто его знает, может, этот парень и есть самое совершенное секретное оружие, рыцарь без страха и упрека, черепашка-ниндзя...

– И хозяин отпустил вас? – снова повторил вопрос Леля.

– Да.

– Такое практикуется?

– Он практиковал.

– И как часто?

Оставить без присмотра одного из самых влиятельных банкиров в городе – жест, безусловно, очень оригинальный. Но понять его Леля был не в состоянии.

– Иногда.

– Когда?

Лицо телохранителя превратилось в маску: он явно не хотел выдавать тайны хозяина. Даже мертвого.

– На моей памяти – три раза.

– И все три раза были связаны с женщинами? – проявил завидную проницательность Леля.

– Без комментариев.

– Послушайте, молодой человек... Оставьте ваши реплики для ток-шоу об отмене смертной казни. Дело серьезное. Потому повторяю вопрос: все три раза были связаны с женщинами?

– Да, – нехотя признался телохранитель.

– И как он это объяснял?

– Кому? Мне или своим женщинам? – Ниндзя-черепашка посчитала своим долгом показать Леле зубы.

– Вам. У женщин мы еще спросим.

– Никак. Он не считал нужным что-либо объяснять мне. Обычно он отпускал меня и шофера. Шофер должен был подогнать его «Ниссан» к стоянке возле ресторана и передать Герману Юлиановичу ключи от машины.

– Но он наверняка дал какие-то указания?

– Я должен был встретить его по прилете из Парижа.

– Когда он должен был прилететь?

– Об этом мне должны были сообщить дополнительно.

– Кто?

– Его секретарь.

– Стало быть, он улетал во Францию без охраны?

– Я не знаю, – честно признался телохранитель.

– Что значит – «не знаете»?

– Видите ли... Я был не единственным его телохранителем.

Леля вздохнул: нет, от этого хлыща ему ничего не добиться.

– Кто еще?

– Об этом вам лучше спросить не у меня, а у службы безопасности банка.

– Думаю, молодой человек, что у вас будут большие проблемы с трудоустройством. – Очкарик так не нравился ему, что Леля решил оттянуться напоследок. – Никто не возьмет на работу телохранителя, у которого убили босса. Дурная примета.

Леля без сожаления расстался с наглецом-охранником и его никчемными обтекаемыми показаниями. Куда интереснее были показанияслуги в «Диких гусях». Один из официантов вспомнил, что дама выходила из-за стола два раза. Гардеробщик тоже подтвердил: действительно, два. Первый раз она проследовала в туалетную комнату, а второй раз позвонила из телефонной кабинки в холле ресторана. В кабинке она пробыла не более минуты, гардеробщик хорошо запомнил это.

– Почему? – спросил у него Леля.

– Так ведь красавица, – только и смог сказать старый хрыч, закончивший выступления в большом сексе лет двадцать назад.

То, что спутница Радзивилла была красива, подтвердили все. Но здесь Лелю поджидала главная неудача: никто так и не смог ни описать ее, ни дать особых примет. Она была просто красива. Стерильно красива – и больше ничего. Из породы клонированных фотомоделей, которые рекламируют все, что под руку попадется, от одноразовых шприцов до оборудования электростанций.

Не опознала эта свора халдеев из «Диких гусей» и фотокарточку, которая лежала в тонком бумажнике Радзивилла. Бумажник был воткнут в задний карман брюк покойного. Кроме весьма фривольного снимка блондинки в прозрачных трусиках, там покоились четыре бумажки по сто долларов и четыре отечественных синюшных полтинника. Кроме того, в «бардачке» были найдены и два ключа на одном кольце. Оба с разными, но весьма занятыми бородками.

Часть лица блондинки со снимка закрывали волосы – может быть, именно поэтому официанты не смогли сказать ничего определенного: вроде похожа, а вроде – нет...

Шофер Радзивилла тоже не внес никакой ясности в ситуацию. Он действительно передал ключи от «Ниссана» хозяину. Но в этот момент никого, кроме Радзивилла, за столиком не было: передача ключей досадным образом совпала с выходом дамы в туалетную комнату.

После этого и перед очередной переменной блюд Радзивилл сделал один звонок по мобильнику. Он был чрезвычайно раздражен чем-то: это подметил официант, подававший рыбу по-астурийски к белому вину.

Очевидно, звонок по мобильнику оказался финальным аккордом вечера: дама и Радзивилл свернулись, даже не дождавшись десерта.

В 21.45 они вышли из «Диких гусей» и сели в радзивиловский «Ниссан»; швейцар проводил их до машины. Здесь их следы терялись.

В Париж Радзивилл так и не прилетел.

И два ключа из «бардачка» тоже оказались ложным следом: ни один из них не подходил ни к квартире Радзивилов на Ланском, ни к их загородному дому в Павловске.

9 февраля. Наталья

Наталья проснулась около семи и несколько минут не могла сообразить, где же она находится. А когда сообразила, подскочила с чужой, совсем не по праву занятой кровати. Тума спала в ногах, змей-искусительное платье висело на спинке... И ночь, проведенная в чужой квартире, показалась ей вполне невинной.

«Я ведь не сделала ничего предосудительного, правда?»

В квартире по-прежнему было тихо, Дарья так и не появилась.

Выгуляв собаку, Наталья вернулась с твердым намерением выйти из квартиры в собственном костюмчике. Но ничего не получилось. В вещах Дарьи было столько животного магнетизма – даже Бродский не шел с ними ни в какое сравнение. Даже губы Джавы, даже его плоский живот – единственное, что занимало Наталью последние двенадцать месяцев, – даже это отступило на второй план. Кто бы мог подумать, что дорогие тряпки могут соблазнить среднестатистическую интеллектуалку гораздо эффективнее дешевых любовников?..

Покопавшись в шкафу, Наталья выбрала строгий деловой костюм (интересно, куда в нем ходила Дарья и какие коктейли в нем пила?). К костюму прилагались легкие утренние духи с ненавязчивым запахом и легкий утренний макияж.

А в ванной Наталью ждало сразу два сюрприза. Во-первых, ее окрашенные волосы выглядели вполне естественно. И, во-вторых, отключили горячую воду.

Впрочем, это не слишком ее огорчило. Тем более что в прихожей стояли стильные сапоги и висела стильная дубленка (покуситься на соборей Наталья не решилась). Еще несколько минут ушло на выбор сумки. Наталья остановилась на неброском портфеле из тисненой кожи (господи, сколько это может стоить?!), хотя больше всего ей нравился отвязный рыжий рюкзак, так и оставшийся стоять возле кресла. Ну ничего, до рюкзака она тоже доберется.

В портфеле оказалось несколько бумажек, испещренных четким каллиграфическим почерком, несколько визиток, несколько проспектов и внушительная пачка каких-то приглашений. Наталья сложила все это добро в маленькое отделение, а в большое бросила пудреницу, помаду и духи. И свой собственный скромный кошелек со скромным количеством денег. И томик Воронова, о котором она почти забыла за всеми перипетиями.

– Пока-пока, собака! Буду в восемь, – сказала Наталья и тотчас же подумала о том, что их с Нинон сиделки могут затянуться. – В крайнем случае – в половине девятого... Оставляю тебе поесть и попить, так что не грызи кресел и не лакай воду из унитаза...

Тума даже не повернула головы в ее сторону.

Уже захлопнув за собой дверь, Наталья вдруг вспомнила о том, что так и не прослушала автоответчик. Но, в конце концов, этим можно заняться и вечером.

На дверях подъезда висел скромный привет из ЖЭКа: **«В связи с аварией на тепло-централи горячая вода до 20.00 подаваться не будет».**

Спасибо, что предупредили.

Быстрым шагом Наталья дошла до Большого проспекта; троллейбусная остановка, забитая теми, кто все еще, несмотря на разруху в стране, работал, маячила на углу. И только теперь Наталья по-настоящему испугалась.

Дубленка, костюм, сапоги, «дипломат» – с ног до головы она была увешана пачками долларов. И это – при нынешнем разгуле уличной преступности!.. Несколько мирных обывате-

лей, попавшихся ей на глаза, чудесным образом деформировались в разбойников с большой дороги, уголовных авторитетов, мелких карманников и крупных специалистов по грабежам.

Нет. Троллейбус отменяется. Метро тоже.

Она выскочила на проезжую часть и подняла руку: только такси и только с государственными, не заляпанными грязью номерами. Пропустив трех частников (мало ли что у них на уме!), она наконец-то втиснулась в такси и невесть откуда взявшимся царственным голосом сказала:

– Каменноостровский, пожалуйста.

На Каменноостровском находилась их контора.

Шофер, молодой парень с модными баками а-ля Элвис Пресли, плотоядно улыбнулся ей и шмыгнул носом. Только этого не хватало.

Если бы на ней было ее собственное демисезонное пальтишко, она немедленно попросила бы остановить машину, она бы вообще в нее не села, лучше купить лишний пакет гречки и пару килограммов лука. Но дубленка, сапоги и отливающие платиной волосы диктовали совсем иные правила игры. Наталья вальяжно развалилась на заднем сиденье и бросила шоферу:

– У вас можно курить?

– Ради бога, – парень не спускал с нее глаз.

Она открыла портфель: на дне большого отделения лежала ее собственная пачка постыдно дешевых «North Star». Не пойдет. Если бы это был «Беломор», ее, во всяком случае, можно было бы посчитать оригинальной. Но «North Star» в сочетании с мягким воротником дубленки – это, извините, нонсенс. Наталья щелкнула замками и уставилась в окно.

– Что ж не курите?

– Передумала. А вы смотрите на дорогу, уважаемый.

Весь оставшийся отрезок пути Наталья прикидывала, во что ей обойдется поездка. И хватит ли денег на обратную дорогу. И на еду для собаки. Сухой корм – это, конечно, хорошо, но и костей прикупить не мешало бы. Жаль, что она ничего не знает о рационе собак. Хотя... У менеджера их конторы, идейного холостяка Зайцева, кажется, есть какой-то пес...

По прибытии на место Наталья сунула таксисту сорок рублей, хотя красная цена поездки была тридцатка. На лишних десяти рублях настояли дубленка, сапоги и вторивший им кожаный портфель.

– Всегда к вашим услугам, королева, – произнес дежурную глупость таксист, и Наталья в сердцах хлопнула дверцей.

И, подождав, пока такси отъедет, потащилась к ближайшему ларьку за сигаретами. После недолгих колебаний она выбрала тонкую пачку «Davidoff».

– Этак вы меня по миру пустите, друзья мои... Но что делать? Короля играет свита, и еще никто не придумал формулы вернее...

Ее появление в конторе произвело фурор.

Все началось с того, что ее напарница Галя, именовавшая себя исключительно Гала (ударение на последнем слоге, дань памяти усам Сальвадора Дали и его железобетонной Музе), в упор не узнала ее и сунулась было с мягким креслом, проспектами «Отдых на Мальте» и заученной улыбкой:

– Присаживайтесь, пожалуйста... Вот, взгляните...

– Ты с ума сошла, Гала, это же я...

По лицу напарницы пробежала дрожащая улыбка, и Наталья пожалела, что сил на розыгрыши у нее не осталось.

– Наталья Широкова. Твоя близкая знакомая. Не узнала? Ну?!

Гала рухнула в кресло и принялась шумно обмахиваться «Отдыхом на Мальте».

– А... А что это с тобой?

– Волосы покрасила, – вдаваться в подробности Наталье не хотелось. – Слушай, Зайцев у себя?

– Н-не знаю... Супер... Где такую дубленку отхватила?

– Клиент подарил.

– Клиент? Какой клиент?..

С клиентом, пожалуй, она погорячилась. На выигрышных и богатых европейских турах сидели совсем другие девочки, она же довольствовалась болгарскими Золотыми Песками и совсем уж заброшенным озером Севан в абсолютно не туристической сейчас Армении.

– Шучу. Ладно, пойду проведу Зайцева.

После некоторых колебаний она все-таки оставила дубленку в комнате: не вваливаться же в верхней одежде к добропорядочному менеджеру!

– Класс! – Гала завистливо повела ноздрями. – Костюм просто шикарный... Легко снимается?

Так и не дослушав двусмысленных причитаний Галы, Наталья отправилась к Зайцеву.

В отличие от Галы Шурик Зайцев сразу же узнал ее, и глаза его при этом подозрительно затуманились.

– Да ты у нас красавица, Натали. Не замечал, надо же....

– Ты многого не замечал, – Наталья закинула ногу на ногу и с легкостью выбила из дорогой пачки дорогую сигарету. – Ты позволишь?

– Аск!⁸ Можешь делать все, что хочешь. Мы поощряем инициативу сотрудников.

– Хочется верить.

– Божественная, – выдохнул Шурик и щелкнул зажигалкой.

Легкий дым «Davidoff» вскружил ей голову. Или все дело было в шмотках?

– Давно присматриваюсь к тебе, Наталья. Пора переводить тебя с Болгарии на Карибы и Полинезию. Ты как?

– Как пионер. Всегда готова. А может быть, Лазурный Берег? Я могу сопровождать группы. – Все эти страшные слова нашептывал ей на ухо литвиновский костюм. И нужно признать, он имел на это право.

– Приму к сведению. – Метаморфоза, происшедшая с известным юбочником Шуриком Зайцевым, нисколько не удивила Наталью: Шурик подбивал клинья ко всем девушкам агентства, а особо отличившиеся в так любимых Шуриком позах «бобра», «уточек-мандаринок» и «тоскующей выпи» сразу же переводились на должность руководителей групп. Теперь пришел и ее, Натальин, черед.

– Только учти, Шурик, спать с тобой я не буду.

– Приму к сведению, – Шурик сразу погрузился.

– Я вот по какому делу... Говорят, у тебя есть собака?

– А что? Хочешь взять щенков? Предупреждаю – у меня кобель.

– Какой породы?

– Доберман.

Наталья едва не выронила из рук сигарету.

– Что ты говоришь! У меня тоже доберман. Доберманиха. Девочка. Сучка.

– Это знак, – Шурик закатил глаза и расслабил узел на галстуке.

А вот здесь, Шурик Зайцев, старший менеджер, ты попал в точку.

– Собственно, это собака моей подруги. Близкой. – Почему она сказала это? – Подруга уехала, и собака осталась на мне.

– А от меня что требуется?

– Всего лишь несколько рекомендаций. Сколько гулять, чем кормить и так далее...

⁸ Спрашиваешь! (иск. англ.).

– А что, подруга не дала никаких указаний?

– Никаких, – честно призналась Наталья.

– Ну, гулять можно два раза, утром и вечером, вполне щадящий режим. Кормить лучше мясными обрезками, – с готовностью начал Шурик. – Ну и каши. Все крупы, кроме манки. Манка плохо усваивается. Овощи. Творог по большим праздникам. А лучше всего – купи книгу: «Доберман – собака для защиты». Их на развалах полно.

– Спасибо за консультацию, Шурик. Я пойду, пожалуй...

Шурик был так галантен, что проводил Наталью до дверей кабинета. И сунул ей в руки визитку.

– Это еще зачем? – удивилась Наталья.

– Мало ли... Там мой домашний телефон. Звони, если что.

– Если что?

– Ну, если она начнет тебя за ляжки хватать. Или вести себя неадекватно. Приеду – пристрелю, – осклабился Шурик и со значением поддержал Наталью за локоть.

– Может и такое случиться?

– Доберманы очень преданы хозяевам. Чужих людей терпят, но с трудом.

– А я думала, все собаки преданы хозяевам... Не только доберманы.

– Заблуждение. Все собаки преданы миске с едой и мозговой кости.

Наталья поморщилась. И как с такими взглядами на миропорядок Шурик Зайцев дослужился до должности старшего менеджера? Сегодня поставлена под сомнение верность собак, а завтра? Завтра будут распяты достижения сексуальной революции...

Без трех минут шесть Наталья уже входила в здание редакции «Pussy cat». Журнал для золотой клубной молодежи делил кров еще с тремя изданиями: прокоммунистической газетенкой «Звезда Октября», музыкальным обозрением «Русская рулетка» и совсем уж двусмысленным гомоальманахом «Гей-славяне». Несмотря на разницу в идеологических платформах, издания вполне мирно уживались друг с другом и даже периодически – раз в квартал – устраивали совместные посиделки с выбором «Мисс Пресса» и «Мистера Пресса». В номинации «Мистер Пресса», как правило, лидировала «Звезда Октября». А в «Мисс Пресса» пальму первенства прочно удерживали «Гей-славяне».

Нинон, как правило, в конкурсах не участвовала, а заседала в жюри.

Она вообще любила заседать. Малоподвижный образ жизни, эклеры и две пачки сигарет в день были ее жизненным кредо.

Вот и теперь она сидела в своем маленьком прокуренном кабинете и набирала на компьютере очередную нетленку ко Дню святого Валентина: «Что вы знаете о французском поцелуе».

Наталью она не узнала.

– Вы ко мне, девушка? Подождите, я сейчас закончу...

Наталья присела на краешек гостевого кресла, забросила ногу на ногу и рассмеялась.

– Нинон!

– Простите? – Нинон оторвалась от компьютера и пристально взглянула на Наталью.

– Ну, ты даешь, старая корова. Это же я...

– Что-то припоминаю. – Лицо Нинон болезненно сморщилось, а щеки задрожали.

– Вот так всегда. Когда блудный сын возвращается домой, последними, кто его узнает, оказываются любящие родственники.

– Наташка?! Ты, что ли?

– Шесть часов! – Наталья кивнула подбородком на часы, висящие на стене. – Теряем время.

– Наташка? – Нинон все еще не могла прийти в себя от удивления.

– Ну да. Что, сильно изменилась?

– Нет... Но... С какого архара ты сняла эту шкуру?.. И вообще... Что происходит?

– Кое-какие перемены.

– Это что? – Нинон, кряхтя, поднялась с кресла, приблизилась к Наталье и со всех сторон обнюхала дубленку. – Таких вещей в твоём репертуаре не было никогда. Плата за ночь любви? Кто он?

– В некотором роде. Плата за ночь. Я все должна рассказать тебе. Ты обещала приличное кафе, если память мне не изменяет.

Спустя двадцать минут они уже сидели в любимой забегаловке Нинон. «Тридцать три лося» славились домашней выпечкой, ненавязчивыми джазовыми композициями и засильем коллег-журналистов. Нинон заказала скромный вечерний десерт и приготовилась слушать. Рассказа Натальи о ночи, проведенной в квартире Дарьи Литвиновой, хватило ровно на четыре эклера. Нинон деловито вытерла губы и откинулась на спинку кресла.

– По-моему, ты офигела, – задумчиво сказала она. – Заметь, крепких выражений я не употребляю. Это не в правилах нашего журнала.

– Я знаю. Ты думаешь, я идиотка?

– Ты авантюристка. Как оказалось. Вломилась в чужой дом, втиснулась в чужие вещи, да еще и выкрасила волосы чужой краской. Ты будешь гореть в аду.

– Ты думаешь?

– Или сидеть в каталажке...

– Послушай, Нинон, – Наталья поставила локти на стол. – Ничего криминального я не совершила. Я же не виновата, что собака прибилась ко мне. И потом, ты сама посоветовала отвезти ее по адресу.

– Что-то не припоминаю, чтобы я советовала тебе вторгаться на чужую территорию. Неприкосновенность жилища у нас пока гарантируется законом.

– А как бы ты поступила на моем месте?

– Во всяком случае, не стала бы влезать в чужой почтовый ящик. И вскрывать письмо, которое адресовано совсем не тебе.

– Разве? Какая же ты после этого журналистка?

– Сдаюсь... Но...

– Ты же отказалась приютить собаку. А у меня на Петроградке тоже ситуация аховая. Что было делать?

– Сдать собаку в приют, а ключ положить туда, где он лежал.

– Он лежал в совершенно незащищенном почтовом ящике, который открывается шпилькой. Его могли достать непорядочные люди.

– А порядочная девушка не нашла ничего лучше, как применить эту самую шпильку. И влезть в чужую квартиру.

– Это не чужая квартира. Это квартира Тумы.

– Это еще кто такая? – удивилась Нинон.

– Собака. Собаку зовут Тума... Разве я тебе не говорила?

– Но зачем ты взяла чужие вещи?

Наталья перегнулась через стол и вцепилась в рукав Нинон.

– Невозможно было удержаться... Ты понимаешь? Там такие шмотки... Просто кровь в жилах стынет...

– А если хозяйка вернется?

– Хозяйка укатила в Ниццу.

– Ты и это успела выяснить? А если она вернется сегодня вечером? Если уже вернулась?

– Объясняю еще раз. В холодильнике стояло молоко. А на молоке стояла дата. Третье февраля. Третье. А сегодня девятое.

– Ты, я смотрю, не только авантюристка, но и частный детектив. Причем не очень хороший. А может, она отправилась в эту свою Ниццу на шесть дней, откуда ты знаешь?

– Нинон! – Наталья достала сигареты и закурила. – Я занимаюсь туристическим бизнесом уже четыре года. Шесть дней – не срок для тура. Есть неделя, есть две, есть десять дней.

– Плебейка! – Нинон саркастически затрясла пудовой грудью. – Возвращайся в свой Днепрпетровск. Не думаю, что такая обеспеченная дамочка, как эта твоя Дарья Литвинова, будет бегать с группой от одной достопримечательности к другой. Может, она вообще в Монте-Карло отправилась, капиталы спускать. Или решила оттянуться с возлюбленным среди орхидей. Таким женщинам туры не нужны, они их унижают. Ясно выражаюсь?

– Куда уж яснее. – Наталья нахмурилась. Проницательная Нинон только озвучила ее мысли, не больше.

– И потом этот ее кекс... Как, ты говоришь, его зовут?

– Денис.

– Ага. Этот Денис – типичная акцентуированная личность с ярко выраженными фобиями. Сегодня он кладет ключ в ящик, а завтра... Завтра он припрется и начнет высаживать двери. Хотела бы я на тебя посмотреть в этот момент.

– Он уехал в Москву. И будет десятого. То есть только завтра.

– Его письмо у тебя?

Наталья достала из портфеля письмо и протянула его Нинон. И пока покрасневшая от эклеров Нинон изучала неровные и отчаянные строчки, Наталья молча любовалась другой. Подглядывание в замочную скважину и участие в чужих судьбах делает Нинон чертовски привлекательной. Этакая стокилограммовая праматерь человечества, всевидящее око и перст судьбы по совместительству.

– Ну все понятно, – Нинон оторвалась от увлекательного чтения и взглянула на Наталью. – Что и требовалось доказать. Никуда он не уйдет от этой твоей Дарьи. Влюблен по уши и шантажирует.

– Откуда ты знаешь?

– А чего тут знать? Проклинает, швыряет в морду обвинения, а потом приписывает: если передумаешь – позвони. А в подтексте есть еще и продолжение: если не передумаешь – позвоню сам. В дверной звонок. Так что жди визита. А лучше – забудь ты про эту квартиру.

– А собака?

– При чем здесь собака? Дело ведь не в собаке, правда? Тебя достала коммуналка, хочешь вырваться хоть на день, пожить другой жизнью. Правда?

Не в бровь, а в глаз.

– Правда, – вздохнула Наталья.

– Это опасно. Поверь мне.

– Нинон! Что за философские беседы? Ты же ведешь совсем другую рубрику.

– Сегодня ты осела в ее квартире, а завтра захочешь стать ею самой. Что будешь делать, когда она вернется, эта твоя Дарья?

– Тоже вернусь. В свою жизнь.

– Давай, что ли, коньяку хряпнем. – Нинон сложила письмо и протянула его Наталье. – Не нравится мне вся эта ситуация.

– Почему?

– Журналистское чутье. Из своего круга вырваться невозможно. – Нинон поднялась, проплыла в сторону стойки и вернулась с двумя бокалами коньяка.

Они молча выпили.

– У меня нет своего круга, ты же знаешь, – вздохнула Наталья. – Дом – работа, работа – дом.

– Это не имеет значения. Я тебя двое суток не видела, а какие кардинальные изменения! Волосы перекрасила. Сигареты дорогие куришь.

– Я не могу...

– Не можешь не соответствовать чужим вещичкам. Понятно. Не дури, Наташка. Это – не твоя жизнь.

Приступ ярости подступил так внезапно, что Наталья едва удержалась, чтобы не плеснуть в Нинон остатками коньяка. Нинон права. Права во всем. Будь проклята чертова доберманиха, будь проклят чертов Денис, будь проклят чертов ключ и Дарья Литвинова заодно. Они как будто созданы, чтобы показать ей, Наталье, ее собственную несостоятельность. И будь проклята Нинон, которая подводит под все это теоретическую базу. И она вдруг сказала – только потому, чтобы хоть что-то сказать:

– По-моему, ты завидуешь.

– Я?! – Нинон от неожиданности поперхнулась коньяком. – Интересно, чему я могу завидовать?

– Тому, что это произошло со мной, а не с тобой.

– Дура!

– Поправляю. Харыпка, – закусил удила Наталья. Лучше бы она не вспоминала об этом Джавином словечке.

– Вот-вот. Только твоего узбекского хмыря и не хватало! Найди его и посели в чужом доме. Ему понравится.

– Ну все. Спасибо за коньяк.

Наталья резко поднялась из-за стола: лучшая подруга называется. А она еще хотела у Нинон денег перехватить... Пошла к черту!

Выскочив из «Лосей» и глотнув холодного, чуть подрагивающего воздуха, Наталья сразу же протрезвела. Невозможно. Невозможно, чтобы за сутки так испортился характер. Наговорила несчастной Нинон кучу гадостей – и только потому, что она оказалась в чем-то права. Нужно пойти и извиниться. Сейчас же.

Нинон сидела за столиком и, вздыхая, доедала очередную тарелку пирожных.

– Прости меня, – Наталья смиренно коснулась ее плеча.

– Ты хотела сказать – «пошла к черту»? – Нинон подняла на Наталью повлажневшие глаза.

– Хотела. Но передумала. Конечно же, ты права. Прости меня.

– Да ладно. Я тоже хороша...

– Хочешь – поедем вместе. Посмотришь...

– Уволь. Я вот что подумала, девочка моя. Тебе наверняка нужны деньги. Сама понимаешь... У меня есть немного. Могу одолжить.

Наталья не удержалась и поцеловала Нинон в щеку.

– Ты прелесть, Нинон! Ты самая лучшая...

– Лучшая... Лучше бы тебе убраться из этой квартиры, – обреченно забубнила она.

– Ну конечно. Я побегу. Собака, сама понимаешь.

– И откуда она только взялась на наши головы. Слушай, Наташка, а может, у этой твоей Дарьи есть сестра с манто и диадемой? Покрупнее? Размер этак на пятьдесят шестой?..

* * *

Наталья почти сдержала обещание, данное Туме.

Возле дверей подъезда она оказалась без пятнадцати девять. Последовавшая после мимолетной размолвки с Нинон сцена примирения несколько затянулась. Они выпили еще по коньяку, Нинон ссудила Наталью деньгами («Здесь двести баксов, как раз сегодня гонорар

получила, когда сможешь – отдашь») и снова попросила убраться «из этой сомнительной квартиры» при первой же возможности. Она даже поговорит с кем-нибудь из знакомых, может, кто-то и согласится взять собаку на время.

– Нет уж, – заявила Наталья. – Травмировать Туму я не позволю. Это все-таки живое существо, нечего ее с квартиры на квартиру таскать.

– Делай как знаешь, только потом пеняй на себя, – напутствовала ее Нинон.

Тума принялась лаять и бросаться на двери, едва лишь Наталья вставила ключ в замочную скважину. Но когда Наталья боком просочилась в прихожую, доберманиха сразу же потеряла к ней всякий интерес. Коротко рыкнув, она отправилась к себе в кресло.

Впрочем, Тума сразу же вылетела из бедной Натальиной головы: всю квартиру заволокло паром, а из-под двери ванной сочилась вода.

В глазах у Натальи потемнело.

Дура, дура, дура, идиотка, кретинка, харыпка несчастная, как она могла забыть завернуть кран в ванной?! Воду дали в восемь, и она безнаказанно хлестала сорок пять минут! В чужой, роскошной, отделанной, как конфетка, квартире! Что же она за растяпа такая?!

Скинув на пол дубленку и швырнув на полку под зеркалом щелкнувший замками портфель, Наталья бросилась в ванную и, задыхаясь в пару, почти вслепую нащупала и перекрыла кран. Выбирать воду сразу же было невозможно – слишком горячая, почти кипятком. Подождав, пока пар рассеется, Наталья осмотрелась: жертв и разрушений не было, кафельный пол и выложенные плиткой стены не пострадали. Воды в ванной было по щиколотку. Наталья покопалась в одном из шкафчиков за кухонной выгородкой (все женщины похожи, они кладут нужные вещи в нужные места) и вытащила оттуда резиновые перчатки. И швабру с веревочным венчиком (такие швабры Наталья видела в магазине «Максидом», и они поразили ее воображение).

И принялась выбирать воду.

За этим занятием ее и застал звонок в дверь.

Вот оно. Началось.

Наталья вдруг вспомнила слова Нинон: «...позвоню сам. В дверной звонок». А вдруг Нинон права и это действительно брошенный любовник? Хорошо же она будет смотреться в чужих перчатках, с чужой шваброй и в чужой квартире! Наталья на цыпочках подошла к двери и приложила к ней ухо.

Звонили не переставая.

А собственно, почему она решила, что это именно Денис? Его визита нужно ожидать не раньше завтрашнего дня. Искушение было слишком велико, и Наталья осторожно заглянула в «глазок».

Нет. Это не Денис. Определенно не Денис.

Это нечто.

На площадке перед дверью, искаженный оптикой, стоял мужчина в застиранной ковбойке, джинсах и шлепанцах на босу ногу. Потоптавшись и несколько раз громко чихнув, он снова позвонил и приблизил физиономию к «глазку». Наталья отшатнулась, задела портфель, и тот с громким стуком упал на пол. Содержимое портфеля рассыпалось по мраморным плитам.

Услышав, что квартира номер сорок восемь подает признаки жизни, мужчина за дверью оживился. И снова решительно нажал на кнопку звонка.

– Открывайте, черт вас возьми! Затопили мне всю квартиру! Или мне с милиционером прийти?!

Все ясно. Скорее всего это сосед с нижнего этажа. Будет устраивать истерики до тех пор, пока она не откроет. Судя по затрапезной рубашонке и неприлично выпирающему кадыку – тот еще склочник. Не отойдет от дверей, пока не получит сатисфакцию и не выскажет Наталье все, что он о ней думает, включая судебное разбирательство и денежный штраф за моральный и материальный ущерб.

Но самым странным было то, что Тума никак не прореагировала на человека за дверью: это шло вразрез с представлениями Натальи о собачьей караульной службе. Собака должна лаять, если кто-то приближается к ее очагу. А может, этот человек слишком незначителен?.. Настолько незначителен, что Тума считает ниже своего достоинства вступать с ним в какую бы то ни было перебранку?

Эта мысль рассмешила Наталью, и она наконец-то открыла дверь.

Теперь неожиданный визитер предстал перед ней во всей красе. Узкие плечи, впалая цыплячья грудь, мосластые конечности, жалкие волосики на подбородке и на щиколотках, всклокоченная немытая голова и лицо, слегка тронутое мелкими оспинками. Господи, бывают же такие отстойные типы! Должно быть, холостяк-женоненавистник, клерк в какой-нибудь конторке. Брюзга, страдающий геморроем и простатитом, не иначе...

– Вы меня затопили! – объявил брюзга. – Сколько же это может продолжаться? Вы здесь без году неделя живете, а от вас одни неприятности. Сначала ремонтом занимались, день и ночь по голове стучали. Ну, это ладно. Потом стали оргии устраивать, до шести утра люстра трясется. Теперь вот новые напасти...

– Вы сосед снизу? – укрепились в своих догадках Наталья.

– Да, черт вас возьми! И буду ставить вопрос в суде!

Так и есть. Все худшие ожидания оправдываются.

– Простите меня, ради бога. Я все уберу... Вы же знаете, не было воды, эти ЖЭКи непредсказуемы. Простите еще раз. – На таких болванов лучше всего действуют кротость и смирение – этой линии Наталья и решила придерживаться.

Неожиданно гость сморщил высокий шишковатый лоб, а лицо его пошло красными пятнами. Он громко чихнул и уставился на Наталью.

– У вас собака?

– Простите?

– У вас собака?

– Да. А что?

– У меня аллергия на собак.

Кто бы сомневался! Час от часу не легче.

– Я сейчас ее закрою, одну минутку... – Наталья отправилась закрывать двери в комнату, а когда вернулась, сосед снизу уже вертел в руках книжку Воронова, выпавшую из портфеля.

– Интересная? – спросил он, внимательно разглядывая Наталью.

Наталья ограничилась многозначительным похмыкиванием, но книжку забрала. Похоже, этот пальцем деланный герой хочет познакомиться. С ума сойти!

– Интересная, – коротко сказала она.

– А вообще как?

– Что – «как»?

– Как писатель-то?

– А вам какая разница?

– Просто так спросил...

Наталья вовремя вспомнила, что сосед снизу является пострадавшей стороной, и несколько смягчилась.

– Это очень хороший писатель. Вы, вообще, знаете, кто такой Воронов?

– Слышал краем уха. Мне не нравится такая литература...

Наталья почувствовала легкое раздражение. Конечно, ты и понятия не имеешь о детективах в мягких обложках. Трескаешь «Три кита здоровья»⁹ на ленч и «Толкование сновидений»¹⁰ на детский полдник...

⁹ Книга Ю. Андреева.

– Напрасно. Это-то как раз та литература, которая нравится. Стиль, язык, характеры... – Наталья прикрыла глаза и щелкнула пальцами. – Это русский Жапризо, честное слово!

Сосед снизу внимательно посмотрел на Наталью и дернул себя за мочку уха.

– Вы серьезно так думаете?

– И думать нечего. У меня все его книги. Все пятнадцать. Эта – последняя.

– Дадите почитать что-нибудь?

Стоящая в ванной вода, вполне реальные призраки участкового и целого взвода ангелов-сантехников под чутким руководством диспетчера ЖЭКа... Нет, лучше задобрить этого странного типа.

– Конечно! Только... – Наталья вовремя вспомнила, что предыдущие четырнадцать книжек Воронова стояли у нее в шкафу на Петроградке. – Вот что. Возьмите эту, если хотите.

Господи, что она делает?! «Смерть по-научному» еще не прочитана до конца: со всеми этими перипетиями у нее и руки не дошли до обворожительного Кривули. Но отступить поздно.

– А вы? Ведь ее еще не прочли. Вон и закладка торчит, – сосед проявил странную для людей подобного типа наблюдательность.

– Прочла. А закладка просто так.

– Спасибо.

– Сколько я вам должна за протечку? – В конце концов, у нее есть двести долларов, и она может проявить широту натуры.

– Нисколько. Всего доброго. Книгу я вам верну. В ближайшее время.

– Сделайте одолжение.

Наталья захлопнула дверь и прислонилась к ней повлажневшим затылком. Во всяком случае, визит этого простака-аллергика даром не прошел, кое-что прояснилось. Дарья Литвинова живет здесь недавно, и по лестнице вместе с Тумой можно бегать без опасений.

Она вернулась в ванную и еще добрых полтора часа вычерпывала воду. Тума крутилась тут же, шлепала лапами по высыхающим лужам и разносила следы водной драмы по всей квартире. Наталья этому не препятствовала: она запомнила утреннюю тираду Шурика Зайцева об укушенных ляжках и неадекватности доbermanов.

По окончании каторжного труда она упала в кресло и несколько минут просидела так, вытянув ноги и ни о чем не думая. А потом нащупала завалившийся за подлокотник пульт от музыкального центра и нажала кнопку «CD».

Божественно. Эдуард Артемьев. «Солярис». «Слушая Баха». Божественно. Нужно пересмотреть Тарковского. Божественно, черт возьми!..

Тума ткнулась лбом ей в колени; смысл этого движения, этого ритуального порыва, так и оставался за семью печатями. Возможно, если бы здесь была Дарья, она бы смогла объяснить ей, что это значит. Если бы здесь была Дарья... Интересно, чем занимается эта Дарья? Если она высокооплачиваемая шлюха, использующая в качестве алькова Французскую Ривьеру, то зачем ей тогда компьютер? Тоже забавная вещь – компьютер...

Наталья опустила руку и – совершенно неожиданно для себя – наткнулась на рюкзак. Ярко-рыжий предмет сегодняшних вожделений. В прихожей стоят ботинки – как раз в масть, такие же рыжие и вызывающе благополучные. Наталья подняла рюкзак и поставила его на колени. В конце концов, если она уже рылась в холодильнике и в шкафу, почему бы не заглянуть в рюкзак?..

Она расстегнула пряжку замка и запустила руку вовнутрь.

¹⁰ Книга З. Фрейда.

Да, здесь есть чем поживиться – рюкзак оказался набитым вещами. Наталья переместилась на ковер и вытряхнула содержимое рюкзака. Косметичка, несколько блокнотов, записная книжка – в тон рюкзаку, такая же рыжая; два паспорта, яркий прямоугольник авиабилета...

Стоп.

Наталья затрясла головой. Два паспорта и билет. Два паспорта – один заграничный и один общегражданский. Билетная книжка. Она выложила перед собой паспорта и раскрыла один из них: РАДЗИВИЛЛ ГЕРМАН ЮЛИАНОВИЧ, шенгенская виза. Если верить датам в паспорте, Герману Юлиановичу стукнуло сорок шесть лет. Солидный кавалер.

Другой паспорт принадлежал Дарье Анатольевне Литвиновой.

Год рождения – 1975 (всего лишь двадцать четыре, а так упакована, надо же!).

Место рождения – г. Апатиты Мурманской области (неплохая карьера к двадцати четырем годам!). Не замужем, детей нет.

Зато есть компьютер, собака и любовник. Или любовники. Во всяком случае, в окружении этой женщины, кроме несчастного Дениса, появился еще один мужчина – Радзивилл Герман Юлианович. Будь объективной, Наталья, – Денис выглядит предпочтительнее. И моложе.

Наталья машинально пролистала паспорт. За обложку был заткнут сложенный вчетверо железнодорожный билет. Наталья развернула его и, поражаясь пустоте, которая растеклась по всему телу, прочла: «21 ск. С. -Петербург – Мурманск. 8 Купейный. Место 014».

Отправление из Питера – 4 февраля. 17.50.

Билет был выписан на имя Литвиновой Дарьи Анатольевны. И номер паспорта тоже совпадал.

Негнушимися пальцами Наталья взяла второй билет – авиа.

«Эйр Франс». 4 февраля. Время вылета – 10.25. Время прилета в Париж – 11.55.

Рейс AF2657.

Владельцем билета и места в самолете авиакомпании «Эйр Франс» числился все тот же Радзивилл.

Два билета – и никто никуда не отбыл. Не помахал ручкой и не сказал последнее «прости»

Два билета. Один – Литвиновой. Другой – Радзивилла. Почему эти билеты и паспорта валяются в рюкзаке? Билеты с датой 4 февраля?

Четвертого февраля. А сегодня уже девятое.

И почему таинственная Ленусик из телефонной трубки так уверена в том, что Дарья Литвинова улетела в Париж и Ниццу, зажав отвальную. Почему? И при чем здесь Мурманск?..

Билет и паспорт Литвиновой лежат перед Натальей, значит, ни о каком Мурманске не может быть и речи. Но если она не появляется дома – во всяком случае, целые сутки (те сутки, которые Наталья торчит здесь с ее собакой), тогда где же она?

Наталья начала бесцельно сортировать содержимое рюкзака по кучкам: авиабилеты, паспорта, рыжая записная книжка, портмоне, мелочь, несколько лежащих просто так сотенных бумажек, компакт-диск с какой-то компьютерной игрой, проспекты отеля Palais Maeterlinck, сводного брата приморского Negresco, она почти угадала... Сотовый телефон. Дорогая вещичка, ничего не скажешь.

Тума ткнулась холодным носом ей между лопаток, и Наталья вздрогнула. Черт возьми, милая квартирка, ничего не скажешь, больше всего она напоминает росянку, растение-убийцу.

Точно.

Росянка и есть. Миловидное пристанище для беспечных насекомых.

Наталья отползла от разложенного на ковре содержимого рюкзака и взяла телефонную трубку. Ей нужен свежий взгляд. Нинон, вот кто ей поможет. Даже после трех тарелок эклеров и нескольких порций коньяка она способна здраво соображать.

– Это я! – выдохнула Наталья, когда Нинон сняла трубку.

– Приключение продолжается?

– Слушай... Я нашла ее паспорт.
– Чей?
– Дарьи Литвиновой. Хозяйки квартиры.
– Ну и слава богу. Как она выглядит?
– Прекрасно. Но ты не понимаешь. Паспортов не один, а два.
– И все на разные фамилии? – Коньяк с таким успехом расширял сосуды Нинон, что по ним безболезненно курсировало ее тяжеловатое чувство юмора.

– Нинон! Нинон, ты слышишь меня?! И еще два билета. Один – на рейс «Эйр Франс». Другой – железнодорожный, в Мурманск. Она никуда не уехала, ты понимаешь?!

На другом конце провода воцарилось молчание.

– Ну и что ты хочешь этим сказать? – через паузу спросила Нинон.

– Что она никуда не уехала и...

– А с чего ты взяла, что она вообще собиралась уезжать?

– Телефонный звонок о Нице, я говорила тебе. Пакет молока...

– Что-то припоминаю.

– И потом, вместе с ее паспортом был еще один паспорт, заграничный. С открытой визой... Какой-то хмырь по фамилии Радзивилл. И еще я нашла билеты. Черт, я уже говорила об этом... Один авиабилет в Париж. На четвертое февраля. Опять же с фамилией Радзивилл. Ничего тебе не говорит?

Ну, Нинон, напряги свою могучую память!

– Радзивиллы? Подожди, так это преданья старины глубокой! Княжеский род в Речи Посполитой... Ну да.

– Боюсь, это не тот случай. Радзивилл Г. Ю., сорок шесть лет.

– Ну и что?

– Как-то странно... Она носа домой не кажет, а дома валяются просроченные билеты во Францию и в Мурманск.

– Какой паспорт ты нашла? Общегражданский или заграничный?

– Общегражданский...

– А заграничный? – совершенно здраво спросила Нинон.

– Нет... Заграничного нет...

– Деревня! Для того чтобы выехать из страны, общегражданский не нужен. Ты же говоришь, она богатая. А у богатых свои причуды. Может, она уже давно во Франции. Может, она туда просто за лифчиками катается. Или за тесьмой на бикини... Я же говорила тебе, Наташка, не нравится мне вся эта история...

Прижав трубку к уху и усевшись среди разложенных на кучки мелочей, Наталья раскрыла внушительного вида портмоне. И присвистнула. И надолго замолчала.

– Ты что молчишь? – взволновалась Нинон. – Нашла расчлененный труп в салатнице?

– Три тысячи... – выдохнула Наталья.

– Три тысячи трупов?

– Три тысячи, – она понизила голос. – Три тысячи долларов. У нее в портмоне лежат три тысячи долларов.

Теперь надолго замолчала Нинон.

– Надеюсь, ты... – наконец осторожно начала она.

– О чем ты? За кого ты меня принимаешь?!

– За девушку, которая вторые сутки отирается в чужой квартире и пользуется всеми ее благами. Положи все на место, переоденься и уходи оттуда.

– Да, да... Конечно.

– Ключ оставь, где лежал, купи новый конверт и засунь его обратно в ящик. Надеюсь, тебя никто не видел?

- Ну, как сказать... Я залила соседа снизу.
- И когда только успеваешь? – совсем не к месту хихикнула Нинон.
- Пришлось отдать ему нового Воронова в порядке компенсации за моральный ущерб.
- Он что, принял тебя за хозяйку?
- Ну, в некотором роде. Хозяйка, как оказалось, живет здесь не так давно.
- А он симпатичный? – совсем не к месту спросила Нинон.
- Кто?
- Да сосед снизу...
- Ну ты и сводня! У меня, можно сказать, земля горит под ногами, а ты...
- А все-таки?
- Жуткий тип. Урод. Даже законченная слепоглухонемая нимфоманка им бы побрезговала. К тому же у него аллергия на собак.
- Заехать за тобой?
- Все ясно, Нинон настроена вытащить ее – и из этой квартиры, и из этой истории...
- Нет. Я сама доберусь.
- Ты обещаешь мне?
- Обещаю.
- Звони, если что.
- Если что?
- Если обнаружишь три тысячи трупов...

Наталья положила трубку и мрачно уставилась на стопку долларов. Странно. Все это по меньшей мере странно. Но, во всяком случае, она спасла для хозяйки три тысячи баксов. Интересно, на сколько бы ей хватило такой внушительной суммы (если, конечно, не тратиться на джакузи, бриллианты в пупок и набедренную повязку от Жана Поля Готье)? В жизни не видела столько «зеленых» в одной пачке...

Пора наконец-то заняться автоответчиком.

Кроме уже прослушанной ею вчера тирады Ленусика, было еще три сообщения. Не назвавший себя мужчина мягко намекал на встречу «по интересующему вас поводу». Он, видите ли, жаждет рассмотреть предложения, касающиеся «Аскода». Второй анонимный текст выглядел следующим образом: «Наши представители готовы обсудить условия на предварительной встрече». Третья тирада была на гневном французском, в котором совершенно явственно проступало традиционно-русское «ну ты и сука!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.